

АДРИАНА ДАРИ И АЛИСА КНЯЗЕВА

НЕНУЖНАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА,
или
СЛАДКАЯ МЕСТЬ
ПОПАДАНКИ

Адриана Дари

**Ненужная жена дракона, или
Сладкая месть попаданки**

«Автор»

«Автор»

2026

Дари А.

Ненужная жена дракона, или Сладкая месть попаданки /
А. Дари — «Автор», «Автор», 2026

Я не помнила себя. Зато помнила, как горела. Он не знал, кто я на самом деле. Зато искал меня в каждой тени. Мы получили второй шанс. Но никто не предупредил, как больно любить того, кто уже однажды сжёг тебя дотла. Я — Альвия. Я — его зеркало. Я — его ошибка. Я — его единственная любовь. И я устала убегать. Пришло время бороться.

© Дари А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15 (Ор Файр)	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	46
Глава 20	48
Глава 21 (Ор Файр)	50
Глава 22	53
Глава 23 (Ор Файр)	56
Глава 24	59
Глава 25	61
Глава 26. (Ор Файр)	63
Глава 27	66
Гл	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Адриана Дари, Алиса Князева

Ненужная жена дракона, или

Сладкая месть попаданки

Глава

— Предательнице не место рядом со мной, — глядя на меня ненавидящим взглядом, в глубине которого разгорается боль, произносит тот, кто еще вчера говорил мне о своей любви и надел на мой палец обручальное кольцо.

— Лар... Я не...

В сердце зарождается отравляющее чувство страха, которое вместе с током крови растекается по венам, охватывая все тело.

— Для тебя ор Файр, — голосом холоднее, чем зимний лед, говорит он.

Зеленые глаза жалят презрением, укором и разочарованием.

— Я не предавала! — Я кидаюсь к нему.

Но он выставляет перед собой щит, отталкивающий меня так, что я падаю на пол, сдирая об острые камни ладони.

— У тебя в покоях был найден браслет из империорита, — словно подписывая мне приговор, сообщает Лар. — Когда ты собиралась мне его подкинуть, чтобы лишить силы?

Кажется, сердце вот-вот разорвется от боли из-за несправедливых обвинений.

— Именем Драконьего бога я разрываю нашу связь. Ты для меня с этого момента мертва.

Глава 1

— Ох, Драконий бог! Какое убожество! — врываются в мой мозг шокированные возгласы с разных сторон. — И сильнейшему магу досталось ЭТО?

Я словно вынырываю из-под воды и делаю судорожный вздох. Сердце бешено бьется, в голове как будто вата, а в глазах плывут радужные круги, сквозь которые я начинаю различать высокую широкоплечую мужскую фигуру.

Господи, почему так болит голова и жжется в горле?

— Кто бы мог поверить, что Верховному советнику достанется такая? Как будто бог искал самую ужасную во всех мирах, — доносится снова до меня.

Не могу понять, это они... обо мне? Пытаюсь рассмотреть хоть что-то вокруг, хотя бы свои руки, но все расплывается, а любая попытка сосредоточиться отстреливает болью.

— Заканчивайте, — командует стоящий рядом силуэт.

Коротко, очень по-военному. Морщусь оттого, что это пробуждает во мне какие-то смутные болезненные ассоциации, а вместе с ними нестерпимую тошноту.

Стоящий рядом берет меня за руку, отчего меня обжигает словно пламенем. Пытаюсь вырваться, но ощущаю такую слабость, что все мои попытки бесполезны.

— Именем Драконьего бога благословляю эту связь, да будет она нерушима, пока смерть не разлучит вас, — произносит скрипучий голос откуда-то издалека. — Ор Файр, можете закрепить ваш союз.

Что? Какой союз?

Зрение до конца все еще не восстановилось, но зато обоняние и осязание, похоже обострились до предела, потому что я остро чувствую дымный аромат сандала и терпкий — мускуса. А в тот момент, когда меня касаются мягкие, чуть обветренные губы мужчины, который держит меня за руку, меня пронизывает как будто бы знакомое ощущение абсолютной радости и счастья.

Лишь мгновение, а потом он отстраняется.

— Что ж, ор Файр, обряд завершен, — равнодушно заявляет тот же скрипучий голос. — Теперь ваш магический резерв должен восстановиться к завтрашнему утру. Если, конечно, пришедшая не решит отдать Драконьему богу душу.

— Это уже не ваша забота, — отрезает мужчина, а потом произносит еще громче: — Представление окончено, можете расходиться.

Не обращая внимания на появившиеся шепотки и разговоры, он дергает меня за руку и тащит куда-то прочь. Разноцветный туман в глазах потихоньку рассеивается, я начинаю более-менее четко видеть то, что меня окружает. Но вместе с этим приходит осознание, что я не помню ни кто я, ни где я, ни что со мной было до этого самого момента.

Если храм, а именно так я определяю то место, где мы только что были, еще кажется более-менее привычным, то, выйдя наружу, я спотыкаюсь. Во-первых, из-за яркого света, а во-вторых... Передо мной спуск из огромного количества белых мраморных ступенек, а у подножия этого спуска — город с аккуратными домиками из белого камня.

Солнце уже опускается к горизонту, постепенно набираясь розовых оттенков и отбрасывая окрашенные лучи на крыши домов. Красиво. Зрение восстанавливается уже полностью, и я даже могу разглядеть суетливо уходящих с дороги женщин в явно дорогих одеждах. Ну не может такое количество ткани мало стоить.

Женщины кидают на меня язвительные, но в то же время как будто бы завистливые взгляды. Но вообще это мне впору им завидовать, потому что они хотя бы помнят, кто они.

— Поторапливайся. — Мужчина грубо дергает меня за руку, и только теперь у меня получается его лучше рассмотреть.

Строгий, абсолютно черный военный мундир с серебряными эполетами, подчеркивающий стройное мускулистое тело и идеальную трапецию фигуры с узкими бедрами и упругими ягодицами, обтянутыми плотно сидящими штанами. Смущаюсь, хмурюсь и отворачиваюсь. Нашла время.

Первые несколько ступенек вполне удачно преодолеваются, однако дальше нога подворачивается, и я оказываюсь на грани того, чтобы спуститься оригинальным, но небезопасным способом — кубарем. Но мужчина (кажется, ор Файр?) подхватывает меня на руки и, как будто ничего для него не поменялось, продолжает свой спуск.

Обвиваю его шею руками, чтобы не упасть и замечаю, что они у меня испачканы в какой-то саже, местами содраны, а когда перевожу взгляд на одежду, вообще пугаюсь: это не одежда, а какие-то ошметки, тоже в чем-то черном.

Боже мой, что же со мной произошло?

— Трогай! — командует ор Файр сразу после того, как засовывает меня в... карету?

Почему-то это осознание очень удивляет. Как будто я знаю, что такое карета, но никогда ею не пользовалась. И это не стыкуется в голове с тем, что в нее не запряжены кони.

— Простите... а... — решаю я заговорить, когда снаружи звучит колокольчик, потом скрип рычагов и шестеренок, и карета трогается с места.

— Меня зовут ор Файр, — обрывает меня мужчина. — Сейчас ты отправишься в Обитель Обреченных. Тебя там будут ждать, выделяют келью и обеспечат работой до конца жизни. Постарайся сделать так, чтобы я о тебе вообще не слышал, поняла меня?

Глава 2

Я понимаю, что если я и раньше как-то помалкивала, то теперь у меня вообще растерялись все слова. Ничего не понимаю. В голове такая звенящая пустота, что мне нечем объяснить поведение мужчины.

— Но... — Я тру пальцами переносицу, пытаюсь прогнать какое-то противное назойливое ощущение, что мне это что-то напоминает. — Там же сказали, «пока смерть...»

Меня словно обжигает его взглядом. В зеленых глазах столько презрения, что мне невольно хочется прикрыться. Чувственные, четко очерченные губы кривятся в усмешке:

— Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я буду носиться с тобой и выполнять твои прихоти? — Он считывает мою реакцию и, кажется, только подтверждает свои предположения. — Дракониий бог, твоя предшественница хотя бы была умна.

Так. Стоп. Меня еще и глупой называли?!

— Прошу прощения! Я закончила физико-технический институт! — внезапно восклицаю я, и голову ту же пронзает болезненной иглой.

Взгляд ор Файра тут же становится подозрительным и колким.

— Мне плевать, — рыча говорит он. — Но, если свяжешься с технарями, наш разговор продолжится в другом месте и с другими условиями.

Что-то блеснувшее в его глазах заставляет осесть и поверить в серьезность его угроз. Я отодвигаюсь от него на самый край дивана и тянусь к занавеске, чтобы открыть окно. Мое запястье тут же перехватывает крупная ладонь ор Файра и останавливает. Его пальцы сжимаются чуть сильнее, когда я пытаюсь высвободиться.

Оборачиваюсь, оказываясь практически нос к носу с этим хмурым мужчиной. Когда наши взгляды пересекаются, я снова ощущаю что-то неуловимое, как будто давно забытое, причиняющее боль.

Отодвигаюсь, показывая, что больше не собираюсь трогать занавеску, отворачиваюсь и пытаюсь хоть немного привести мысли в порядок.

Итак. Я ничего не помню. Но знаю, что такое карета и что у нее должны быть лошади, но сейчас их нет. Я каким-то макаром оказалась связана с этим странным типом на срок «пока смерть не разлучит нас». Я внезапно вспомнила о том, какое у меня образование, но это аукнулось мне дикой болью в голове и позволило выяснить, что ор Файр не любит «технарей». Ну и, наконец, теперь мне известно, что меня собираются сплавить в какое-то странное место.

И что мне это дает? Ну... пока что ничего.

Карета с пыхтением и вырчанием останавливается, скрипят пружины на колесах, и мой спутник (или надзиратель?) выходит, помогая мне вылезти, а точнее, попросту выволакивая меня.

Я оказываюсь на улице возле огромного трехэтажного особняка с широкой подъездной дорогой и шикарным садом, каскадом спускающимся к озеру.

На землю уже спустились влажные сумерки с характерным для них стрекотанием кузнечиков и прохладным ветерком. Я зябко вздрагиваю и обнимаю себя за плечи, понимая: то, что осталось от моей одежды, определенно не поможет мне согреться.

— Это твое новое зеркало? — язвительно спрашивает подошедший к нам высокий, широкоплечий, но излишне худощавый мужчина в белоснежной военной форме с золотыми пуговицами. — Провидение решило над тобой пошутить?

Его насмешливый взгляд окидывает меня с ног до головы, а потом останавливается на моих ногах, почти не прикрытых махрами, которые когда-то были юбкой.

— Ты сделал все, как я сказал? — Ор Файр заслоняет меня собой. — Мне нужно отправить ее сегодня, чтобы к завтрашнему вечеру она уже была на месте.

Он оборачивается ко мне и накидывает на мои плечи свой мундир. Теплый. Пахнувший им.

— Прямо сейчас? А как же ритуальная ночь? Даже закреплять потоки магии не будешь? Я слышу иронию в голосе подошедшего.

— Ты ее видел? Серьезно считаешь, что я соблазнюсь на это? — отвечает ор Файр, продолжая закрывать меня собой.

«Ты себя видела? Да кому ты такая нужна, замухрышка? Неужели ты думала, что я в тебя реально мог втрескаться?» — в голове отчетливо раздается голос, от которого боль растекается не только в голове, но и в груди.

Я чуть ли не сгибаюсь пополам и закусываю губу, сдерживая рвущийся стон.

— Ты уверен, что это нечто доедет до Обители живой? — уточняет мужчина.

— Не доедет, с тебя спрошу, — замечает ор Файр.

— Милый!

Из огромных дверей особняка выскакивает молодая женщина в длинном сиреновом платье со струящейся юбкой, глубоким декольте, подчеркивающим эффектную грудь, и с упругими темными локонами, красиво рассыпающимися по плечам. — Слава Драконьему богу, он тебе все же дал новое зеркало! Я так соскучилась.

Она морщит милый носик, глядя на меня, оценивающе осматривает и демонстративно кидается на шею ор Файру. Это царапает, как будто что-то в этом есть неправильное. Но не мне судить: я вижу ор Файра и эту женщину впервые. Какое мне вообще дело до их отношений?

Мужчина отцепляет ее и берет под руку, направляясь к дому.

— Меня не было не больше двух суток, Рейра, — произносит он. — Но я рад, что ты за меня беспокоишься.

Обо мне как о вещи. Нужной, но такой, которая используется только из-за необходимости, иначе бы от нее уже давно избавились.

Когда за парой закрывается дверь, оставшийся мужчина обдает меня очередной порцией презрения и кивает.

— Иди за мной. — Он проходит по дорожке вглубь сада. — Вздумаешь сбежать — на цепь посажу.

Плотнее закутываюсь в мундир ор Файра и семеню следом. Бежать? Идея, конечно, хорошая. Но если действительно сделать это необдуманно, вряд ли побег закончится чем-то хорошим для меня. Уж больно охотно я верю в то, что с этими мужчинами шутки плохи. Мне нужно сначала разобраться, кто здесь кто.

Пройдя по темной аллее из высоких деревьев, смыкающих над нами свои ветви, мы оказываемся на узкой проселочной дороге, уходящей в лес, на которой стоит карета, в этот раз запряженная лошадьми.

Они тихо фыркают и мотают головами, отчего сбруя позвякивает.

— Ваша карета подана, ори Файр. — Мужчина распахивает передо мной дверцу и делает приглашающий жест. — Будьте добры.

По обе стороны на карете прикреплены фонари, которые слегка покачиваются и рассеивают мрак своим желтоватым светом. На козлах сидят два мужичка в простой на вид одежде: плотных льняных рубашках и свободных штанах. Но что-то в них кажется странным. Присматриваюсь к ним, пока иду к карете, но чувствую нетерпение мужчины в белом мундире и решаю его не злить.

— Вы сказали, я зеркало. — Я останавливаюсь на подножке. — Что это значит и зачем я тут?

Уголок рта мужчины ползет вверх.

— Да какая тебе разница? — пожимает он плечами. — Тебе бы радоваться: у тебя теперь будет гарантированная крыша над головой, еда и работа. Чем не счастье?

Мужчина вталкивает меня в карету и захлопывает дверь, давая знак вознице, что пора трогать.

— До встречи, ори Файр, — кричит он вслед. — Если выживешь.

Глава 3

Я вваливаюсь внутрь и, когда карета начинает свое движение, по инерции плюхаюсь на диванчик. Кстати, довольно мягкий и даже обитый бархатом. Забиваюсь в самый уголок, подтягиваю к груди ноги и закутываюсь в мундир ор Файра.

«Если выживешь». Очень позитивно и перспективно. Но... С другой стороны, ор Файр вроде бы заинтересован в том, чтобы я выжила.

Мне кажется, теперь запах мускуса и сандала навсегда будет ассоциироваться с тем поцелуем, даже воспоминание о нем вызывает мурашки по всему телу. Как будто в тот момент в моем теле что-то изменилось.

Но что? Не стала же у меня кровь синей, например?

Как там сказал этот скрипучий голос? «Магический резерв восстановится»?

Кусаю щеку и думаю. Магия. Драконий бог. Все это кажется чем-то сверхъестественным, но в то же время все, что меня окружает, слишком настоящее, чтобы быть просто сном или даже галлюцинацией.

Голова идет кругом, а к горлу подкатывает беспокойство. Что делать, как поступить, если вообще не понимаешь, что творится вокруг?

— Он решил эту отправить заранее в Обитель, чтобы не смогла с технарями снюхаться.

Слышится голос одного из возниц.

Скрип колес и пружин, а также мерный цокот копыт лошадей мешает разобрать слова. Поэтому я подсаживаюсь ближе к окну и даже отодвигаю одну из створок окна.

— Да ты видел это недоразумение? — ворчит второй с едва заметной хрипотцой в голосе. — Она ж мало того убогая, так наверняка тупая как пробка. Ее даже соблазнять богатствами и выгодами не нужно. Обведут вокруг пальца, и все.

— Точно, — вздыхает первый. — Но Обитель — это как-то слишком строго. Там же гниют люди заживо. Сколько она там протянет, думаешь? Год?

— Хорошо если, — отзывается второй. — И то если ее поддерживать драконья магия будет. А так, скорее всего, отдаст Драконьему богу душу, да и дело с концом. А темному-то что? Он себе новое зеркало вызовет.

Драконья магия, опять этот Драконий бог, зеркала какие-то...

Карета покачивается на неровной грунтовой дороге, а свет выхватывает из темноты ближайшие стволы деревьев и скрюченные толстые ветви. Я со стуком захопываю створку и возвращаюсь в свой уголок. Только мундир в этот раз откидываю подальше от себя.

Пугает ли меня перспектива оказаться в этой чертовой Обители? Еще бы! А значит, что? Значит, мне нужно до нее не доехать? Попросту — сбежать. Но что-то подсказывает, что если я сейчас кинусь через лес, то, во-первых, далеко не убегу, потому что меня нагонят эти двое. А во-вторых, я просто заблужусь.

Живот жалобно урчит, подавая мне идею.

— Господа хорошие. — Я выглядываю снова. — А меня голодной приказано везти или, может, хоть кусок хлеба мне перепадет?

Прислушиваюсь к бормотанию, понимаю, что они обсуждают между собой. Неужели этот ор Файр даже не задумался о том, что его игрушка может захотеть поесть?

— Нам запрещено останавливаться между сменой лошадей, — отвечает тот, что с хрипотцой. — Да и негде тут еды раздобыть. Но на рассвете мы будем на постоялом дворе. Там наверняка что-то да найдется. А шас поспали бы вы, ори Файр. Наверняка, все еще отголоски призыва давят.

Хмыкаю, бурчу что-то типа спасибо и в этот раз сворачиваюсь клубочком на боку, прикрываю глаза.

Кто же он такой, этот ор Файр. Зачем ему я? И какие у меня тут права?

Мерное покачивание кареты убаюкивает, и вскоре я засыпаю.

Во сне передо мной мелькают смутно знакомые образы, которые, как мне кажется, я просто забыла. Но отчего-то уверена, что мне непременно надо все вспомнить. Просто жизненно необходимо!

Просыпаюсь от жуткого шума, с трудом разлепляю глаза и выглядываю в окно. Со всех сторон к дороге начинают подползать огромные механические пауки! Их перемещение сопровождается пылением и дребезжанием двигателей.

Я даже успеваю восхититься этими потрясающими творениями человеческой мысли, когда понимаю, что они идут не просто так. Они идут разрушать.

— Твою мать, откуда их столько? Плетения пятого уровня! — выкрикивает хриплый. — Бей на поражение, мы должны довести девчонку целой.

Вот теперь я поняла, что мне показалось странным в этих возницах: их по-военному прямые спины и аккуратные руки. Не просто рядовые солдаты — офицеры.

Справа и слева то и дело начинают появляться яркие вспышки: мужчины один за другим со своих рук спускают, как снаряды, ярко-огненные шары, которые, достигая цели, охватывают механические создания огнем.

Но пауков слишком много, они идут бесконечной волной. Однако это, оказывается, только начало: я вижу, как из темноты ветвей вырывается огромная темная масса и со всей силы врывается в бок кареты.

Глава 4

Карета шатается из стороны в сторону так, что я едва умудряюсь удержаться и не свалиться на пол между сиденьями. То, что врезалось, со скрежетом отлетает в сторону, снесенное огненным шаром.

Отчаянное ржание коней резко прекращается, слышится отвратительный хруст. Такой, что я зажимаю уши и зажмуриваюсь, оседая вниз. Отдаленно слышу перекрикивания охранников, ощущаю жар магических атак, скрежет и механический лязг. Мне кажется, что я в центре какой-то мясорубки.

Вспышками перед глазами пылающий дом. Крики. Детский плач и растерянный взгляд женщины. Это все как будто взрывает мою голову.

Хочу исчезнуть. Скрыться. Просто закричать: «Меня нет!»

И тут... меня словно накрывает каким-то коконом. Абсолютная тишина смыкается вокруг меня, а когда карета все же переворачивается набок, я мягко, словно ничего не вешу, опускаюсь на землю.

От неожиданности открываю глаза и вижу, как окно кареты выбивает подозрительно похожая на паучью, только механическая нога, выламывает дверь и начинает ощупывать внутренности. Обеими руками затыкаю рот, чтобы не заорать, и стараюсь отползти подальше.

В какой-то момент нога исчезает, зато вместо нее заглядывает человек с металлической маской и пугающими круглыми очками на ней. Он чем-то щелкает сбоку от маски и осматривает карету. Мне даже кажется, что мужчина смотрит в упор на меня, но... как будто не видит.

Человек исчезает из поля зрения, а я продолжаю лежать, свернувшись комочком, совсем как ребенок, подтянув к себе колени. Сердце бешено бьется, но заставляю себя глубоко дышать, чтобы успокоиться. Меня не увидели же? Нет.

Хотя одно я понимаю точно: искали меня. Охранники говорили, что должны довести меня целой. И этот ор Файр не просто так сделал мое перемещение скрытным. Почему-то я уверена в этом, словно знаю, что если бы все было как обычно, то я ехала бы по широкой вымощенной булыжником трассе днем, а не по грунтовой дороге в лесу ночью.

Отличное напутствие от того в белом мундире «если выживешь» заставляет задуматься, а не причастен ли он ко всему этому светопредставлению? Хотя сейчас-то какая мне разница?

Постепенно изолирующий и скрывающий звуки кокон вокруг меня тает. Я начинаю различать запах гари, отдаленные звуки ночных птиц и шум ветра в ветвях. Прислушиваюсь изо всех сил, но не слышу механических пауков. Ушли?

Встаю, цепляюсь за край кареты и, подтянувшись, вылезаю. Сначала внимательно осматриваюсь, но, как и подсказал мне слух, никого рядом не вижу. На секунду влядываюсь внутрь: там, на сидении, черным пятном остается лежать мундир ор Файра.

Тёплый, из хорошей дорогой ткани и всё ещё хранящий его запах. Тут же вспоминаются нотки сандала, терпкий мускус. Когда слышу его, то чувствую себя... защищённой, что ли. Даже несмотря на то, что хозяин сказал и сделал мне.

На мгновение задумываюсь, а не взять ли его мне. Но потом решаю, что наверняка на нем есть какие-то знаки отличия и его непременно узнают, а потом доложат о том, где меня видели.

Ну уж нет. Это мой шанс сбежать, и я им воспользуюсь.

Слезаю по погнутым рессорам и сломанным колесам на землю. Небо светлеет, поэтому темнота уже не скрывает последствий ночной стычки. Из троих лошадей на дороге лежит тело только одной: надеюсь, что остальные успели убежать.

Выжженная трава, обгоревшие стволы деревьев, куча оплавленного, искореженного металла, а среди всего этого — мои охранники. Я даже проверять не буду, живы ли они. И так по их позам все ясно.

Дрожь пробегает по всему телу, обхватываю себя руками и озираюсь по сторонам. Они говорили, что дальше по тракту постоялый двор, где мы смогли бы поменять коней. И что он должен быть к рассвету. Если так прикинуть, то мы не так далеко должны быть от него, могу постараться пешком идти.

Мне все равно теперь терять нечего.

Поднимаю с земли металлический обломок, похожий на лезвие ножа, и сжимаю в ладони. Так себе защита, конечно, но, во-первых, внушает какую-то уверенность, а во-вторых, его можно использовать, чтобы что-то, например, перерезать или подковырнуть.

Узкая грунтовая дорога, петляя, тянется вдаль. Сначала думаю идти по ней, но потом решаю, что так меня слишком хорошо видно, поэтому отхожу на несколько шагов вглубь леса и пробираюсь там. Да, чуть медленнее, но я никуда не опаздываю. Тем более в чьи-то лапы или на тот свет.

Как и говорили охранники, где-то через полчаса лес редет, а потом и совсем обрывается, а я оказываюсь на краю огромной степи, у подножия холма, на котором расположена крепость, обнесенная высокой стеной из желтого кирпича, с узкими бойницами. Внизу — укрепленные ворота. На самом верш холма — две высокие зубчатые башни, обнесенные еще одной стеной.

И это называется «постоялый двор»? Крупноват, однако. Вряд ли ор Файр, который думал о секретности моей поездки, планировал остановку тут. Но для меня сейчас единственный вариант разжиться едой и хоть что-то узнать об этом странном мире.

Теперь приходится выйти на дорогу, потому что спрятаться уже совершенно негде, а идти по хотя бы грунтовой, но дороге намного лучше, чем по невысокой, покрытой росой траве. Стараюсь не думать о ногах, которые я стерла до кровавых мозолей, о жуткой жажде и желании где-нибудь прилечь и поспать.

На этой открытой площадке меня видно за километр, поэтому, когда я подхожу к воротам, меня уже ждут. Или как раз таки не ждут.

— Побирושкам вход только по воскресеньям, — выставив перед собой копье, говорит один из охранников. — Иди отсюда.

Под глазами темные круги от бессонной ночи, а нос характерного сизоватого цвета, выдающий пристрастие к напиткам покрепче.

— Я ищу работу, — откашлявшись, но все еще хрипя, говорю я.

По идее, даровая рабочая сила в таких крепостях должна быть нужна. А мне пока что на многое рассчитывать все равно не приходится.

— Ты? Работу? Да тебя даже в шлюхи не возьмут, — раскатисто начинает ржать второй с залысинами до самой макушки. — Иди отсюда. К югу есть портовый город, может, там матросы хоть позарятся.

Сжимаю кулаки и стараюсь проглотить оскорбление и не закатить скандал. Это не поможет мне попасть в город. Жалею, что у меня не поднялась рука осмотреть охранников. У них наверняка были с собой деньги. Им они теперь ни к чему, а мне могли бы понадобиться.

— Я долго шла... Позвольте хоть воды напиться, — прошу я.

— А если ты заразная какая? Воду нам еще испортишь. Прочь, я сказал!

Он делает выпад и касается кожи на моем животе острием копья. Едва успеваю отскочить и испуганно гляжу на них. Как можно быть такими мужиками непробиваемыми! Может, это отличительная черта местных?

— Тебе доходчивей объяснить? — Второй тоже перехватывает копье.

Как же мне хочется их обоих приложить чем-нибудь! Но я делаю вдох, потом долгий выдох и ухожу от ворот.

Иду вдоль стены. Прямо у самого ее подножия. Солнце поднимается все выше, становится еще жарче, пить хочется еще больше. Черт, ну что за невезуха такая, а?

Спотыкаюсь, падая, цепляюсь за какой-то выступающий камень, слышу хруст, а потом проваливаюсь в темноту.

Глава 5

Лечу куда-то вниз: странная дверь как открылась неожиданно, так неожиданно и закрывается, оставляя меня в непроглядной темноте. После непродолжительного падения оказываюсь на земляном полу, больно ударяясь бедром, локтем и плечом.

С кряхтением поднимаюсь. Не сказать, что я боюсь темноты, но, когда вот так глаз коли и вообще ни одной идеи, что теперь делать, очень и очень на по себе. Радует, что, когда я прислушиваюсь, я четко различаю шаги и разговоры где-то поодаль. А еще чувствую едва заметное дуновение ветра.

Отлично. Вот в ту сторону и пойду. По стеночке.

Нашупываю руками шершавую кладку с зазубринками, появившимися от времени. Передвигаюсь медленно, аккуратно проверяя пространство перед собой руками и ногами.

Постепенно звуки становятся громче, темнота расступается, а дышать становится легче. Получается, я, сама того не понимая, попала в какой-то тайный ход и облапошила неприветливых стражников? Неужели повезло?

Удивляясь этому и забывшись, я теряю бдительность и выхожу из тоннеля, проделанного прямо в крепостной стене, на улице городка.

Жмурюсь от яркого света. Тут почти безлюдно. Если не считать военных, которые перемещаются между хозяйственными постройками.

Я оказываюсь в полутени у стены. Похоже, это гарнизонная часть. Конюшни, казармы... чуть поодаль колодец.

И тут же начинаю думать о том, какая относительная штука — везение.

— Эй, ты кто? — окликает меня с вполне закономерным вопросом кто-то из солдат.

В той стороне, где, по моим прикидкам, должны быть ворота, слышится свист, а потом приказ:

— Стоять!

Если они думали, что я послушаюсь, то сильно ошибались. Я срываюсь с места, несмотря на то что я уже почти представила, как попою из колодца, и бегу в ту сторону, где никого нет, ныряю в какой-то проулок, даже не успевая рассмотреть, рядом с чем.

Слышу топот сапог за спиной, и это только подстегивает меня. Дышать нечем, легкие будто разрывает от нехватки воздуха, в глазах темнеет, но я продолжаю петлять.

Постепенно казарменные и простые домики начинают сменяться чем-то более монументальным, с заборами и двумя этажами. Между ними еще легче бежать, особенно когда петляешь.

— Где она?

— Разделиться и найти!

Приседаю за кустами у одного из особняков и слушаю, как солдаты разбегаются в разные стороны, чтобы найти, куда же я убежала.

А я тут. Дожидаюсь, чтобы никого не осталось, царапаясь о ветки, вылезая и бегу в противоположную сторону.

На огромной площади с журчащим фонтаном посередине останавливаюсь. По краям — лавки и магазинчики с характерными вывесками над дверью. Вот мясная лавка, вот сапожник, вон там — явно кузнец. Но сейчас еще слишком рано. Хорошо если они только начинают раскладывать товар...

В тишине просыпающегося города четко слышны торопливые шаги в сапогах: кто-то догадался, что я побежала в другую сторону.

Бегу вдоль лавок, заглядывая внутрь витрин в надежде хоть кого-то уговорить дать мне работу. Может, тогда не выкинут? Но... Невезуха настигает меня снова. Из проулка прямо передо мной выбегают солдаты.

Может, тут сработает то же самое, что в карете, и меня не заметят? Нет, пожалуй, это была одноразовая акция. Заворачиваю за магазин, обнаруживая деревянный бак с мусором, зажимаюсь и, мысленно прося прощения у местных торговцев, опрокидываю его, тем самым задерживая своих преследователей.

Поворот, еще поворот, небольшая улочка и... я понимаю, что запас адреналина закончился. Силы покидают меня. Прислоняюсь к стене, и тут справа от меня открывается дверь.

— И чего ты здесь отираешься? — раздается недовольный возглас старушки. — Не ходят тут твои клиенты, вон иди в соседний квартал.

Передо мной появляется сухонькая согнутая бабушка, придерживая уголки своей шали.

— Но я не...

Господи! Мне приходится уже который раз оправдываться! Да что же все судят по обложке-то, а?

— Погодь, а ты че, пришлая, што ли? — Она прищуривает свои светлые глаза, заставляя морщины, расходящиеся от уголков глаз, становиться еще глубже. — Ты чего тут делаешь?

— Работу ищу, — выдыхаю я, благодарная, что хоть кто-то поинтересовался, чего мне вообще тут надо.

Она поджимает свои тонкие губы, кряхтит и чуть шире открывает дверь. Женщина молча ждет, а я, не желая терять возможность, быстро прошмыгиваю внутрь, даже не обратив внимания на то, что это за место.

— Неужто маг тебя сам отпустил? — спрашивает она, шаркая к огромной печи, в которой, источая сводящий с ума запах, томится картошка.

Я точно знаю, что это она. А еще то, что она на воде и без масла.

Маг? Отпустил меня?

Перед глазами тут же возникает строгий хмурый взгляд ор Файра, его высокие скулы, массивный мужественный подбородок. Ощущение, будто он стоит совсем рядом.

Внутри словно появляется какая-то непонятная вибрация. Прикрываю глаза и мысленно выгоняю ора Файра из своей головы.

Молчу, переминаясь с ноги на ногу у входа.

— Значит, нет, — кивает она сама себе. — Ты ненормальная. И, ты думаешь, тебе тут кто-то поможет? Пойдет против него?

Не думаю. Но очень надеюсь. И как она вообще так быстро раскусила меня? Охрана у ворот вон не поняла ничего.

В дверь раздается громкий стук.

— Именем консула откройте! — раздается с улицы.

Старуха кидает на меня странный взгляд, откладывает в сторону деревянную ложку, которой мешала картошку, и идет к двери.

— Иду-иду, чего раскричался-то? — ворчит она.

Неужели... Она меня сейчас сдаст?

Глава 6

Вжимаюсь в стенку, пропускаю мимо себя старушку, а потом не выдерживаю, хватаю ее за руку.

— Пожалуйста, — произношу я только одними губами. — Помогите мне.

Она снова поджигает губы, высвобождает руку из моей хватки и идет дальше к двери. Чуть приоткрыв дверь, старушка тут же начинает ворчать.

— Не испекла я еще ваш хлеб, — говорит она. — Да и вообще очередь сегодня вон к булочной Эн Сайки. Чего будите меня?

В щелочку вижу, что солдат даже теряется. Но потом хмурится и, собравшись с мыслями, возвращается к своему заданию.

— Вы не видели тут девушку? Она незаконно проникла на территорию крепости и подлежит аресту и наказанию на главной площади.

Ой, мамочки мои! Мне для всеобщей радости еще публичной порки, или что там у них припасено для таких, как я, не хватает. Закусываю губу и стараюсь даже не дышать.

— Незаконно попавшую сюда не видела, — пожимает плечами старушка.

— А какую видели? — чуя подвох, спрашивает солдат.

— Так работницу мою новую, — фыркает она. — Ток я вам сейчас ее не покажу. Моется она. Хотите — приходите попозже. Может, и хлебушка вам дам.

Прислушиваюсь, впииваюсь взглядом в щелку, где все еще стоит солдат.

— Ваша? Новая работница? — удивленно уточняет он. — Да ваша лавка едва держится. Чем вы ей платить будете?

— А вот это, милоч, уже совсем не твоего ума дела. — Она тычет ему в грудь пальцем. — Все. Иди служить, служивый. А в мои дела не лезь!

Старушка очень резко захлопывает перед ним дверь, так что с потолка сыпется пыль.

Оглядываюсь — и правда, все в таком запущенном состоянии, что непонятно, как и на чем держится. Стол покосился, полки, как по мне, вот-вот упадут, а половицы вытерты настолько, что, кажется, скоро совсем продырявятся. Как старушка вообще что-то тут делать умудряется и жить не боится?

— Что, не нравится? — Она как будто читает мои мысли. — Как есть уже. Но платить я тебе должна, иначе по законам нашего города не работаешь ты на меня. А, значит и жить не имеешь права. Тут все либо торговцы, либо работники. Остальные только на сделки приезжают.

Пытаюсь понять ее мысль, но, похоже, вымоталась настолько, что уже мозги начинают отключаться.

— Да не стой ты, а то сейчас прям тут в обморок грохнешься. — Старушка машет на меня рукой. — Вон в кадке вода. Попей да мыться. А то ж придут эти...

Я кидаюсь к кадке, черпаком набираю воду и припадаю к нему. Вода кажется настолько сладкой и вкусной, что сейчас я не променяла бы ее ни на какие изысканные блюда.

— Ой-ой! Ты полегче, а то вон глянь, бугры по спине, — бурчит старушка, глядя на меня.

Я останавливаюсь и оглядываюсь, пытаюсь понять, о чем она. Секунда, другая... И до меня доходит. Старушка немного скрипуче смеется надо мной, а я присоединяюсь к ней.

— Ну вот... Уже и улыбнулась. А то все глазами олененка на меня глядела. Все-все, теперь бери вон в печи котелок с кипятком и мыться. — Она указывает на проход, закрытый занавесочкой. — На лавке мыло и полотенце, сегодня чистое достала, как чуяла, что гости нагрянут. Тряпки свои как снимешь — в печи сожжем. Не дело — иномирское хранить.

Я уже собираюсь спросить, что это означает, что происходит и откуда она узнала, что я сбежала от мага, но женщина останавливает меня рукой.

— Сначала туда, а потом все вопросы. Я пока хлеб замешу да в печь поставлю, а то где-то деньги-то нужно для тебя взять.

Я решаю больше со старушкой не спорить, прохожу за занавеску и оказываюсь в каморке размером не больше чем два на два. Основное место занимает деревянный чан, который глубиной доходит мне едва ли до середины бедра, но зато широкий — в нем хоть сесть можно.

Рядом лавка, на которой стоит тазик, и, как и сказала старушка, лежит большой кусок мыла и тканое сероватое полотенце.

Увидев справа от себя неожиданное движение, вздрагиваю и отскакиваю в сторону, чуть не опрокинув кадку с водой.

Зеркало. Старое, тусклое, местами поцарапанное, но точно показывающее меня. И определенно дающее понять, почему на меня смотрели ТАК. Я вся в саже, что в принципе не новость для меня. Лохмотья местами порванные, местами обгоревшие, что я и так увидела. Но вот остальное...

На лице запекаясь то ли грязь, то ли кровь, волосы вроде забраны в хвост, но в таком кошмарном состоянии.

Но черт возьми! Неужели нельзя было дать мне время хотя бы на то, чтобы я могла умыться? Этот ор Файр, он что, наслаждался тем, что на меня смотрят как на нечто противное? Возмущение и непонимание бессмысленного демонстративного пренебрежения раздражает настолько, что я сжимаю кулаки и пытаюсь успокоиться.

Нет. Мне нужно не успокаиваться, а брать себя в руки. Я сбежала. И у меня есть реальный шанс спрятаться: он увидит сломанную карету, подумает, что меня убили или выкрали, и все. А я буду тихо жить здесь и работать на старушку. Сил у меня больше, чего не умею — тому научусь. Может, и дела в гору пойдут.

Решено. Я выливаю в чан большую часть котелка с кипятком и разбавляю из кадки в самом углу. Вода в итоге получается чуть теплая, но если быстро помыться, то смогу успеть, пока она совсем не остынет.

Выкладываю на лавку припрятанную деталь от механического паука, которую я подобра в лесу. Стягиваю с себя то, что когда-то было моей одеждой, и сапоги.

Удивительно. Я была уверена, что у меня все ступни стертые до кровавых мозолей, а на самом деле едва ли есть красные пятна в тех местах, где обувь натирала.

Погружение в воду оказывается чуть ли не приятнее, чем то ощущение, когда я наконец-то напилась. Уставшее тело расслабляется, и я даже решаю вылить в чан оставшийся кипяток, чтобы сделать воду теплее. Ничего, потом холодной ополоснусь. Буду считать контрастным душем.

Откидываюсь спиной на бортик и прикрываю глаза.

Меряю шагами утес. От края до края ровно пятьдесят три моих шага по острым камням, которые так и норовят ссыпаться вниз и утянуть меня за собой, если я слишком близко подойду к обрыву. Ветер треплет платье и портит прическу, но это не имеет значения. Его долго нет, и это поднимает из глубины души смутную тревогу, которая прежде тихо дремала.

Кричу на пальце обручальное кольцо. Не должен был. По всем законам не имеет права.

Он уговорил меня на время покинуть замок и переждать в его поместье на прибрежных скалах. Это будет нелегко для него, но, как он сказал, безопаснее для меня.

Только почему я ощущаю боль и тоску? Это все неправильно. Так не должно быть.

Вглядываюсь в даль, где бушуют темно-синие волны, увенчанные белыми коронами пены. Небо плотно затянуто тучами, сквозь которые не проникает ни лучика солнца. Буря на море откликается бурей в душе.

Сердце замирает, когда я наконец вижу черную точку на горизонте, которая превращается в дракона. Он приземляется совсем рядом, меняет облик. Но его зеленые глаза сверкают яростью.

— Ты думала, я не узнаю?

Глава 7

Вскакиваю в чане так, что аж вода расплескивается в разные стороны. Пытаюсь прийти в себя.

Дракон. Это был огромный черный дракон, который стал человеком. Почему-то из всего того, что мне снилось, именно это кажется странным. Хотя в то же время и чем-то до жути знакомым. Буквально до мурашек по спине.

Причем в прямом смысле слова, потому что вода уже окончательно остыла и находится в ней неприятно.

— Эй, с тобой там все хорошо?

Слышится из-за занавески голос старушки.

— Д-да! — отвечаю я, все еще пытаюсь прийти в себя от слишком странного сна. — Я сейчас!

Занавеска слегка колыхнется, и слышно поскрипывание половиц оттого, что старушка уходит. Но вместе с потоком ветра до меня доносится аромат свежего хлеба, а живот издает жалобный «ур».

Какой же жалкой я себя сейчас чувствую: живу какими-то базовыми потребностями: поесть, попить, поспать, в конце концов. По-моему, даже то, что я ни черта не помню, меня сейчас особо не заботит. Главное, помню, как говорить и двигаться, а все остальное и неважно.

Одно хорошо — вся грязь размокла и теперь прекрасно отмывается. Быстро намыливаюсь, оттираю тело и волосы как могу и ополаскиваюсь еще более холодной водой. Бодрящая ванна.

Вылезаю, завернувшись в полотенце, и не могу отказать себе в том, чтобы взглянуть на себя в зеркало. Зажмуриваюсь, перед тем как взглянуть на себя. Даже дыхание задерживаю. Три... Два... Один...

Распахиваю глаза и... да, узнаю себя. Если бы меня до этого спросили, как я выгляжу, вряд ли я бы смогла ответить на этот вопрос. Но сейчас, увидев в зеркале отмытое лицо, я понимаю, что так я и выглядела. Где-то в прошлой жизни.

Касаюсь пальцами лица. И на самом деле не могу поверить, потому что под сажей и корочками запекшейся крови я боялась увидеть как минимум следы от ожогов. Но еще была удивлена, когда мне было не больно умыться: не скажу, что лицо чистое, нет. Скорее такое ощущение, что эти раны как минимум двухнедельной давности.

Ссадины на руках и ногах уже тоже скорее похожи на давнишние. Хотя про них-то я точно могу сказать, что они были свежие еще тогда, когда этот ор Файр нес меня по лестнице храма.

— А, готова уже. — Старушка все же заходит за занавеску и бросает на меня едва ли заинтересованный взгляд. — Я за котелком. Давай заканчивай любоваться собой, и пошли чай пить.

Она, шаркая, снова скрывается за занавеской, а я, бросив последний взгляд на свое отражение, собираю старую одежду, которая, как я сейчас понимаю, жутко пахнет гарью, тоже покидаю ванный закуток.

— Потом вычерпаешь и чан помоешь, — даже не поворачиваясь, говорит старушка. — Тут водопровод посредственный и только у богачей.

Тут? Водопровод? Ее какие-то слова, полунамеки все чаще наталкивают меня на одну совершенно определенную мысль. Может ли она быть...

— Вот, давай сюда одежду да сапоги кидай. — Она показывает на отверстие, в котором горят дрова. — Да не бойся, хлеб я уже достала.

Я подхожу ближе к огню, и тут меня накрывает паникой и резкой головной болью.

Крик. Плач. Запах гари и нестерпимый, обжигающий жар. Закрываю нос рукавом и осматриваюсь. Но там вокруг ярко и горячо, что даже глаза открыть больно. Где-то рядом раздается жалобный писк: «Мама!»

— Эй, милая. — Старушка похлопывает меня по щекам, придерживая так, чтобы я не свалилась с табуретки. — Ну-ка, ты чего удумала? Давай-ка мы с тобой позавтракаем, и ты мне все-все расскажешь.

Я благодарно заглядываю в ее блеклые глаза, от которых веером расходятся морщинки. Надо же... А раньше ведь она наверняка часто улыбалась.

И мне так нестерпимо хочется сделать так, чтобы она улыбнулась, и я готова сейчас на что угодно.

— Мне нечего рассказывать. — Я пожимаю плечами и хочу подняться, чтобы помочь старушке, но та останавливает меня рукой. — Честно говоря, я не помню, даже как меня зовут. А уж что тут происходит — вообще не имею никакого представления.

Старушка останавливается на мгновение, осматривает меня с ног до головы, а потом скрывается в неприметном проходе за печкой. Оттуда слышно шебуршение, стук от чего-то упавшего и тихое ворчание.

— На, надень, а то сейчас как нагрянут посмотреть, что за несчастную я в работницы отхватила, так не светить тебе своими прелестями, — вздыхает старушка и протягивает мне стопку одежды.

Я послушно беру ее и ухожу снова за занавеску.

Честно говоря, чтобы разобраться во всем этом, приходится поднапрячься. Рубаха, панталоны, чулки, нижнее платье, верхнее платье... Я мало что помню из прошлого, но, судя по тому, что старушка заставила предать сожжению, там с нарядами определенно проще.

Последним этапом мучаюсь со шнуровкой на спине.

Замечаю одобрителный взгляд старушки, когда она показывает жестом на табурет за скудно накрытым столом. Хлеб, картошка да деревянные кружки с травяным чаем. Впрочем, не мне сейчас жаловаться.

— Я Эйну, — говорит старушка, разламывая пополам ломоть свежего воздушного хлеба. — Это то, что осталось от моей пекарни и моего дела. Ну... Сколько сил, столько и работы. Больше было бы заказов — не сдюжила бы.

Я еще раз оглядываю помещение. То там, то тут взгляд цепляется за то, что на самом деле когда-то вещи были новыми и дорогими. Но все пришло в запустение.

— А я...

— А ты зеркало, — перебивает меня Эйну.

Я медленно киваю.

— Как ты узнала? — спрашиваю я и тоже отламываю хлеб.

— Не один день на свете живу, — уклончиво отвечает она. — Как давно ты уже зеркало?

— По моим прикидкам, не более суток, — усмехаюсь я.

Складка между бровей Эйну становится глубже, и она пристально смотрит на меня.

— Ближайший храм в столице. Столица в половине дня пути, не меньше. Он что, не завершил привязку? — Женщина внимательно глядит на меня и медленно жует, по-старчески причмокивая.

Вспоминаются слова того в белом камзоле: «Даже закреплять потоки магии не будешь?» Если она про это, то получается, что...

Мотаю головой.

— Он меня сразу отправил в Обитель Обреченных...

На губах Эйну появляется недобрая ухмылка.

— Ну тогда, моя милая... У нас есть только один вариант...

Глава 8

Я, затаив дыхание, жду, что же она скажет.

— Маги всегда чувствуют свои зеркала, где бы они ни находились, — объясняет Эйну.
— Но только в том случае, если завершена привязка. Считай, что тебе повезло.

— И часто... Привязывают? Вот берут совершенно незнакомых женщин и сразу... — Я прячу смущение во взгляде тем, что плююсь на то, как моя ложка медленно перебирает кусочки картофеля.

— Погоди... — Старушка замолкает. — Ты чего там подумала насчет привязки?

Поднимаю глаза, а сама чувствую, что уши горят, как будто их снегом натерли. А как слова ора Файра можно было еще истолковать?

— Ух ты, негодница, — посмеивается Эйну. — Не этим местом он закрепляет. Руны маги рисуют на спинах своих зеркал, привязывая к себе не только душу, но и тело. Но дело это не быстрое, потому что руна рисуется магией. Спешил твой маг куда-то. Ну да ладно, нам же на руку. Давай заканчивай завтрак, да сделаем все по уму.

Картошка мягкая, ароматная, даже несмотря на то, что без масла. Но я почти не чувствую вкуса, потому что волнуюсь.

— Эйну, я совсем ничего не знаю об этом мире, — произношу я, ковыряясь в тарелке.
— Но при этом я на удивление легко приняла тот факт, что смогла перенестись в другой мир. Хотя сейчас я практически уверена, что там, где я жила, это считалось невероятным.

Старушка вздыхает и внимательно рассматривает меня, наклонив набок голову.

— Это особое влияние магии Драконова бога, — говорит Эйну. — Чтобы сохранить женщине рассудок и избавить от нервного срыва.

— То есть каждый раз у попавшей сюда «подправляются» мозги? — удивляюсь я.

— Да, можно и так сказать, — усмехается старушка. — Но такую, как ты, я вижу впервые. Хмурюсь. Что опять со мной не так?

— Не в обиду тебе, милая. — Она легонько похлопывает меня по руке. — Просто обычно память пришлых не подводит. А ты же... Кто знает, к чему с тобой так Драконий бог обошелся. Значит, урок в том есть какой-то. Кто знает кому. Тебе или магу.

Так вон оно что... А я-то думала, что это нормально. Стерли память — и крути, как знаешь. Оказывается, что это только мое «везение». Впрочем, что я удивляюсь-то? С самого моего появления тут все шло через одно место. А может, и там у меня было все не фонтан. Не помню.

— Эйну. — Я откладываю ложку. — Скажи мне, кто такие зеркала? Зачем они вообще?

Старушка молчит, поджимает губы.

— Пара ты его. Души у вас созвучны. Магия его в тебе, как в зеркале, отражается, — поясняет она, но что-то понятнее мне не становится.

— То есть у меня тоже есть магия? — уточняю я, вспоминая, как меня не заметили в карете.

Эйну медленно кивает.

— Да. Пока вы связаны Драконьим богом.

— То есть...

— То есть пока кто-то из вас не умрет, — произносит она, слегка поморщившись, будто ее это царапнуло. — Или маг не лишится магии. Тогда тебе нечего будет отражать, и ты станешь свободна.

Я вздыхаю, запрокидываю голову и пытаюсь все это уложить в голове.

— Так. — Я чуть еложу на табурете и, отодвинув от себя тарелку, облокачиваюсь на стол.
— Зачем мне, то есть зеркалу, вообще что-то отражать?

Эйну сочувственно улыбается, видимо понимая, что у меня все еще куча вопросов.

— Понимаешь, когда темные маги используют магию, она просто утекает в мир и становится частью общего потока. Это как ручеек впадает в реку. Но маг слабее становится, а восстанавливается потом очень медленно. — Заметно, что старушка ищет слова, чтобы объяснить все мне. — Поэтому Драконию бог каждому сильному магу дарует ту, что может возвращать этот поток обратно. Пару. Магическую жену, с которой связывают в храме.

Так. То есть я все-таки такой нужный в хозяйстве предмет. Ну, собственно, тогда понятно, что с моими интересами можно было и не считаться.

— Но, получается, если есть магическая жена, то...

— Да. Есть та, с которой маг создает семью, — кратко и жестко выдает Эйну. — Ну да хватит. Если еще не передумала, давай проведем обряд, чтобы оттянуть момент, когда тебя найдет маг.

На миг кажется, что в глазах старушки мелькают слезы, но мне непонятно: то ли я придумала их, то ли эта тема действительно болезненна для нее.

— Убери все со стола вон в ту лохань, потом помоешь. — Она показывает своим крючковатым, не до конца разгибающимся пальцем в угол у печки. — Да очисти стол, нам нужно будет место.

Поправив на своих плечах шаль, Эйну скрывается за занавеской.

Я послушно собираю посуду и кладу ее в воду в круглой деревянной, потемневшей от времени лохани.

От печки жарко, но жар очень уютный, ласковый, как будто ручной. Задумываюсь, глядя на то, как интересно падает солнечный свет из окна комнаты на дощатый пол, обрисовывая тенью очертания цветка на подоконнике.

То есть у ора Файра есть настоящая жена? Это она кинулась к нему на шею? Но что-то я не видела у мага особой радости от встречи. Интересно, хоть одну из своих жен он любит? Души у нас созвучны. Хах. Есть ли вообще у него душа?

Собираю хлеб в плетеную корзинку и маленькой метелкой сметаю в совочек крошки.

— На-ка постели это. — Эйну подает мне холщовую серую скатерть.

Я расправляю ее на столе, разглаживая грубоватую, чуть шершавую на ощупь ткань. Скатерть местами заштопана, а местами изрядно истончилась. Но пахнет свежим мылом и немного лавандой.

— Ох. — Старушка с трудом тащит то самое зеркало, в которое я смотрелась.

Кидаюсь ей помочь, но она одергивает меня:

— погоди, не трогай. Эйну кладет зеркало на стол и отодвигает его на середину.

— Лучше подай муку.

Я не сразу, но нахожу мешок, зачерпываю совком горсть и отношу старушке. Она берет своими узловатыми пальцами пригоршню, сжимает в кулаке и, пуская муку тонкой нитью, вырисовывает вокруг зеркала замысловатые символы, что-то шепча себе под нос.

Ее движения точные и выверенные, а получающиеся знаки такие красивые, словно она всю жизнь их только и рисовала. Зачарованно смотрю за процессом и поднимаю глаза только тогда, когда сухая ладонь обхватывает мое запястье.

— Как твое имя, пришлая? — строго спрашивает Эйну.

— Я не...

— Имя! — повышает голос старушка.

— Альвия, — выдыхаю я.

После этого она резко прижимает мою ладонь к зеркалу, и оно разлетается вдребезги.

Глава 9

— Ну вот, Альвия, — довольно произносит Эйну, отпуская наконец меня. — Теперь ты знаешь, как тебя зовут. И на какое-то время ты скрыта от твоего мага. Кто он хоть?

Я пожимаю плечами, рассматривая ладонь, теперь покрытую теми же символами, что были начерчены старушкой на скатерти.

— Он сказал, что он ор Файр. — Я перевожу взгляд на замолчавшую Эйну.

Она хмурится и качает головой.

— Этот найдет. — Старушка наклоняется над осколками на столе и что-то высматривает. — Еще бы, главная ищейка страны не нашла своё. Но работы мы ему добавили.

Главная ищейка? Вот это мне повезло. Мало того, что бездушный и бессовестный, так еще и при должности, а значит, и при деньгах. Такой точно найдет и постарается вернуть свою игрушку. Интересно, а есть ли какие-то условия, чтобы осложнить и этот момент?

Наконец старушка довольно хмыкает, выбирает небольшой вытянутый осколок, идет с ним к навесному шкафчику и достает оттуда моток грубой бечевки.

— Нож возьми, отрежь мне вот тут, — отмотав около метра, говорит Эйну. — Будешь носить не снимая. Да смотри, чтобы никто не видел.

Очень ловко старушка обматывает осколок бечевкой, хитро завязывает и надевает мне на шею.

Удивительно, как аккуратно и плотно уложены слои бечевки, так, что даже не угадаешь сразу, что там зеркало. Я тут же прячу самодельный кулон под платье.

— Ну вот и все, Альвия, а теперь давай работать. — Эйну собирает скатерть вместе со всеми осколками и завязывает в узел. — Нам еще новое зеркало покупать да тебе чем-то платить, а мы и так сегодня подзадержались.

И тут я понимаю, что совершенно точно не помню, чем занималась в прошлой жизни. Я что-то сказала про физико-технический факультет? Внутренние ощущения говорят, что так оно и есть. Но реакция ора Файра на эту информацию была очень и очень ... кхм ... не очень.

Да и если вспомнить то, что на карету напали механические пауки и еще непонятно какие твари, то не сказать, что я тоже к ним прониклась трепетными чувствами.

Полагаю, о своем образовании лучше помалкивать. Но... Это не решает того вопроса, как я могу помочь Эйну.

— Я могу пол мыть, посуду... Может, еще чего-то...

— Аля. — Она смотрит на меня так, будто я всякую ерунду несу. — К демонам полы! Лавка должна зарабатывать тем, для чего она создана! У нас пекарня, так что не мнись давай, открывай двери, выноси лавку да давай раскладывать хлеб!

Я на секунду задумываюсь, но потом включаюсь в подготовку к рабочему дню.

Когда я вытаскиваю лавку для товара на улицу, там уже все совсем иначе по сравнению с тем, как было, когда я утром убегала от солдат. Большинство лавок действительно открыты, торговцы уже заканчивают выкладывать свои товары, а некоторые даже успевают что-то продать.

Покупателей вроде еще не очень много, но если уж их сейчас столько, то сколько будет позже?

Замечаю, что большинство лавок поблизости продовольственные, и только небольшая часть — хозяйственные, но тоже так или иначе связанные с едой: столовая утварь, какие-то важные в быту и приготовлении мелочи, в крайнем случае текстиль для кухни.

И народ здесь соответствующий. То есть в основном женщины. Причем те, что попрличнее одеты, сразу идут к середине улочки, там и лавки выглядят побогаче. Мимо нас просто проходят, будто не замечают.

— Держи. — Эйну протягивает мне большое полотенце. — Постели на лавку да сядь внутри, чтобы сильно не маячить, а то у соседей языки длинные.

Делаю все, как она сказала, и сажусь за стол, пока старушка аккуратно, с особой любовью раскладывает круглый, воздушный и безумно ароматный хлеб на улице, а потом покрывает тонкой материей.

Видно, что, даже несмотря на то, что ей уже нелегко, весь процесс доставляет удовольствие. Мне даже жаль, что я не видела, как Эйну месит тесто и выпекает хлеб. Мне кажется, что это должно быть завораживающе. Но ничего, я тут не на один день, еще и посмотрю, и помогу, и сама научусь.

Чтобы вот такой же, с румяной корочкой и хрустящим бочком.

— Эй, старуха!

Слышатся резкие голоса с улицы.

— Ты налог-то когда платить будешь?

Я замираю. Это к Эйну?

— Так я, милые, как заработаю минимум облагаемый налогами, так сразу и заплачу. А то мне же только на еду да на муку хватает, — мягко отвечает старушка.

Но я уверена, что это уже не первый разговор подобный.

— А нам тут донесли, что ты работницу себе наняла, — произносит тот самый грубоватый голос. — Да, служивый?

Черт. Вот трепло... Внутри все холодеет.

— Так и есть.

Я слышу знакомый голос солдата.

— Утром сама сказала.

— Да точно! Я девку у нее сегодня видела!

Теперь я слышу крик какой-то женщины.

— Ну все, бабка, готова платить?

Глава 10

— А ты бы помолчала, Сайки, — отвечает ей Эйну. — А то, глядишь, закваска испортится, или печь забьется.

После того что старушка сделала с зеркалом, я готова поверить, что она действительно может наслать проклятие. Хотя сдается мне, что не будет она просто так вредить даже этой злой тетке. Исходит от Эйну что-то такое теплое, доброе. Она, скорее, даже самому заклятому врагу поможет.

— Ведьма! — огрызается женщина. — Да твоя развалюха всю торговлю портит!

— Ровно так же, как твое вечно кислое выражение лица, — в ответ язвит старушка.

— А ты, бабка, не забывайся, — снова требует мужчина. — Деньги давай.

— И эту работницу свою показывай, — добавляет солдат. — А то она, может, как раз та самая девка, что мы ищем.

— Не знаю, кого вы ищете, но не она это. — Эйну не сдается. — А денег нет сегодня. Хлеб продам, тогда и поговорим.

— Ты что, совсем что-то попугала, старуха?

Я слышу угрожающие нотки в голосе мужчины.

Хватит тут отсиживаться. Так я ничего не сделаю и помочь ничем не смогу. Надо отсрочки добиться, а дальше уж решим дело как-то.

Набираю воздух в легкие, встаю и делаю шаг на улицу. Около бабки, замахнувшись, стоит бугай под два метра ростом и шириной плеч как дверной проем, но с такой крохотной головой, что непонятно, как в ней вообще мозги-то помещаются.

— Вы хотели меня видеть? — Я нервно перебираю пальцами юбку, но стараюсь держаться уверенно, чуть приподняв для видимости подбородок. — Я новая работница госпожи Эйну.

На меня падает сразу два сальных взгляда, словно ощупывающих с ног до головы. Хех, то есть отмытая я даже ничего, да? Меня уже не хочется называть «это»?

Сразу вспоминается холодный взгляд ора Файра, и очень хочется теперь взглянуть ему в глаза и спросить, уверен ли он, что я настолько уж не могу его заинтересовать? Только вот с той же силой хочется заявить ему, что он со своими мужланскими замашками меня заинтересовать не сможет.

— Это та, Фил? — Бугай уточняет у солдата, кивая на меня. — Эта девка незаконно залезла в город?

— Не. — Тот мотает головой и цыкает. — Та была страшная и вся... в струпьях каких-то, что ли. Мы еще боялись, что она полгорода перезаражает.

Мы с Эйну переглядываемся. Мне и думать не хочется, как я выглядела. И хорошо, что мы сожгли всю одежду. Но это мне сейчас играет на руку, хотя и остаются вопросы, как так вышло, что явно сложные раны практически затянулись.

— Ну и хорошо. — Бугай довольно ухмыляется. — Значит, бабка, вот как мы с тобой решим. Завтра к вечеру налог как с мелкой лавки, или мы твою работницу в его уплату заберем. Будет вместо тебя его отрабатывать. Солдатики — они не особо щедрые, так что работать придется долго. А там, глядишь, и новый налог подоспеет время платить... Да, Фил?

Солдат кивает, снова пробегая по мне взглядом. Противно так, что аж снова хочется пойти помыться. Но сжимаю зубы и терплю. Ничего страшного, это еще один повод вылезти из всех проблем.

Эта некрасивая сцена привлекает слишком много внимания. Народ поглядывает на нас с опаской и ожиданием зрелища. Надо это скорее заканчивать, а то потом слухи пойдут, и привести покупателей будет сложнее.

— Значит, до завтрашнего вечера? — переспрашиваю я.

Бугай только усмехается и поигрывает бровями, глядя на меня.

— На закате.

Ухмылка превращается в хищный, довольный оскал, полный предвкушения, когда сборщик налогов переводит взгляд на Эйну.

— Хоть йели будет недоставать, девка пойдет с нами, а твое старье все спалим. Поняла?

Эйну молчит и с прищуром смотрит на бугая. Может, правда проклянет?

— Ну вот и славненько, — выплевывает он, хватая с лавки хлеб и откусывает прямо от всей булки, вторую отдавая солдату.

Потом ударом ноги опрокидывает лавку. Вижу все так, словно время замедляет свой ход. В груди все сжимается оттого, что хлеб падает на землю, катится под ноги прохожим, а сам бугай специально наступает на одну из булок своим грязным кожаным сапогом.

Внутри закипает злость. Даже нет, это не злость. Это ярость. Пальцы начинает покалывать, в глазах все расплывается, а уши закладывает, словно я окунаюсь под воду. С окна второго этажа дома, около которого проходит бугай, сваливается горшок с цветком и летит прямо ему на голову.

Глава 11

Эйну дергает меня за руку и тянет на себя. Но секунда — и горшок падает прямо на макушку бугая. Я пугаюсь, что это может причинить ему серьезный вред, но... Похоже, там нечему наносить увечья.

Бугай берется за голову, будто на него упал... я не знаю, какой-то мелкий предмет, но при этом резко оборачивается, пересекаясь со мной взглядом.

— Ох, опять этот соседский кот хулиганит, — громко возмущается Эйну. — Ну вы поглядите-ка, а? На честного человека и цветок уронил!

— Но там... — начинаю я, собираясь сказать, что там же не было никакого кота!

Старушка снова дергает меня, теперь за прядь волос, вынуждая замолчать.

— Вот он давеча по моей крыше все за птицами скакал да мне сдвинул черепицу, теперь, боюсь, протекать будет, — продолжает болтать старушка.

— Да ещё бы твоя халупа не протекала!!! — фыркает та, что сдала меня. — Продала бы кому свою лавку, а то...

— Вот свою и продавай! — отвечает Эйну и тащит меня в дом. — Я и без вас знаю, что мне делать.

Бугай с охранником бросают взгляд на несчастный цветок, землю, перемешанную с осколками глиняного горшка, сплевывают и уходят. Я дергаюсь, чтобы поднять его, но Эйну только сильнее вцепляется в меня и уже достаточно грубо затаскивает в дом.

— Тебе так свобода надоела? — возмущается она, захлопывая дверь. — Магичить она решила!

— Я что? — Я изумленно пялюсь на нее. — Я ничего не...

— Думаешь, горшок сам свалился?

— Так это...

— Конечно, ты, а не кот! — огрызается Эйну и садится на скамейку. — Вот что с тобой делать? Ты должна контролировать себя и ни в коем случае даже не дать намека, что у тебя есть магия.

— Но почему? Если есть маги, они используют магию. Да я видела, как одна из соседок показывала, как ложка сама мешает воду в кружке! — Я развожу руками.

— Это артефакты. Нет магии у женщин. У простых женщин, — хмуро глядя на меня, объясняет старушка. — Да и у простых мужчин тоже. Зато есть у зеркал. Поверь мне, люди при всей своей дурости такие вещи быстро просекают. Пара дней, и твой ор Файр взвалит тебя на плечо и заберет. Этого хочешь?

Сдавливает горло осознанием того, что чуть сама не подставила себя. Мотаю головой. Не хочу.

— Так вот, Аля. — Эйну поднимает палец и тычет им в меня. — Тебе нужно уяснить две вещи: если ты хочешь остаться незаметной и свободной, то стоит избегать магов и технарей. И самой в это не лезть.

Она устало опускает руку, бросает тоскливый взгляд на входную дверь, за которой остался весь хлеб, теперь пригодный разве что на корм скоту, и уходит в проход за печкой.

— А сейчас иди лучше, поищи, кто возьмет тебя в работницы, если не хочешь завтра вечером оказаться обслугой для солдат, — напоследок кидает мне она. — У меня даже муки уже не осталось. Продавать лавку придется.

В ее голосе столько горечи, что мне тут же хочется подойти к ней, обнять ее, пообещать, что все будет хорошо.

— погоди, Эйну. — Я кидаясь к ней. — Ну нельзя же сдаваться. Что-то ведь можно...

Старушка демонстративно задерживает передо мной занавеску, а ее шаги с тихим скрипом отдаляются от меня.

Она серьезно думает, что я вот так просто от нее уйду? Ну уж нет!

Я беру пустую лохань и ведро и выхожу на улицу. На часть кусков хлеба уже слетелись птицы, часть уже изрядно потоптали, но есть то, что еще можно собрать. Поднимаю лавку, а потом выбираю то, что еще более-менее пригодно, разрывая на куски, чтобы влезло побольше.

Прохожие на меня не обращают внимания, а вот соседка, которая все время ругалась с Эйну, — кажется, Эн Сайки — внимательно следит за тем, что я делаю, как будто пытаюсь найти в этом компромат на меня. Но сейчас я собираюсь сделать вполне заурядную вещь — найти хотя бы минимум денег.

Но надо запомнить, что есть какая-то причина, по которой эта Сайки точит зуб на Эйну. Присматриваюсь к ее витрине с хлебом: тут и булки, и рогалики, и косички. Все красивое, с румяной корочкой, но... все равно не выглядит так аппетитно, как у Эйну. И сдается мне, тут дело не в ингредиентах и секретах мастерства. И даже не в магии. А в душе, которую Эйну вкладывает в работу.

Уже собираюсь уйти, но взгляд снова цепляется за разбитый горшок с одиноким цветком, который, на удивление, никто даже не затоптал. И так тоскливо становится от взгляда на него: из-за меня же теперь погибнет. Подбираю его и отношу вместе с лоханью в дом. Потом придумую, что с ним делать.

Интересуюсь у прохожих, где тут в городе продают скотину, мне как-то неопределенно машут рукой, и я беру с собой только ведро и бреду в этом направлении. Если это торговый город, тут должно быть все. И одежда, и еда, и... животные тоже. А животных надо кормить. Если получится хоть чуть выручить и муки купить, завтра будет хлеб. А будет хлеб — будут деньги...

Пока иду по узким извилистым улочкам, как я поняла, лучами расходящимся от центральной площади, осматриваюсь. Вокруг в основном двухэтажные каменные дома, в подавляющем большинстве которых на первом этаже мастерская или лавка, а на втором — жилые комнаты. Заворачиваю в переулок, за ним, по моим прикидкам, и должны быть хлева с животными, и замираю. Потому что слышу знакомый и уже вызывающий тошноту голос.

— Давай аванс, а то другому первому отдам девку, — говорит тот самый бугай.

Я прижимаюсь к стене и стараюсь не дышать.

— А если они деньги отдадут? — недовольно переспрашивает собеседник.

— Не отдадут. Даже если в долг насобирают. Я придумал, как об этом позаботиться...

Глава 12

Вот козел! И вовсе не тот, который в стойле!

— А за нее еще штраф за то, что не оповестила о девке, возьму, а потом еще и с девки стрясу, что без разрешения консула работает.

Я слышу довольный голос бугая.

— Ей, даже если она продаст свою халупу, денег не хватит.

Чувствую знакомое покалывание на кончиках пальцев, сначала очень хочу что-то эдакое ему устроить, а потом вспоминаю предостережение Эйну. Но, как говорится, кто предупрежден, тот вооружен.

Еще бы разобраться в финансовой системе и размерах налогов. А еще в том, насколько действительно в праве этот бугай требовать налог.

Дожидаюсь, когда противный голос сборщика налогов удалится, выныриваю из проулка и выхожу к скотному двору. Несколько хлебов растянулись рядами, а перед ними — загоны с разными животными. Запах, естественно, соответствующий. Тут, как ни чисть, при таком количестве животных от этого не спастись.

Так... И куда мне с моими предложениями? Конечно, выменять бы на молоко, но вряд ли сейчас кому-то это нужно. А вот хоть за небольшую плату как корм свиньям, но продать, наверное, смогу. Или нет. Или смогу.

Черт! Как же сложно, когда ничего не знаешь ни о мире, ни о том, как живут в деревне.

Хм... То есть... Если я не знаю, как живут в деревне, то я, вероятнее всего, всю жизнь провела в городе? Логично. И хотя бы что-то обо мне прошлой. А то вообще ничего не помню.

Прохожу мимо прогуливающихся по загону статный черных коней с блестящими, лоснящимися здоровьем и ухоженностью телами. Потом двигаюсь мимо серых, невзрачных лошадок, похоже, более доступных по цене. Следом загон с козами. Честно говоря, я такого разнообразия козлов не видела: и по цвету, и по форме, и по рогам.

И только в самом дальнем и тихом углу, практически впрыток к крепостной стене, расположен свиарник. Оглядываюсь на то, сколько я прошла, и мысленно представляю, как буду тащить всю лохань сюда... надорвусь же. Но, с другой стороны, это же не за просто так...

— Представляешь, сегодня Гирден мой вернулся, — до меня доносится разговор двух женщин средних лет, стоящих недалеко от меня. — А там тако-о-ое!

Они поставили ведра и стояли болтали, эмоционально жестикулируя. Сплетни, конечно, не самый надежный способ получения информации, но хоть что-то. Если я сейчас буду ходить и всех расспрашивать, что да как, не думаю, что меня правильно поймут и не сдадут сразу охране.

— Что, опять перепил и ему в лесу технари почудились? — смеется вторая.

— Если бы! — охает первая, а я при упоминании технарей замедляю шаг. — Так на дороге такое!

— Да что ты заладила? Такое да такое! Что там? — не выдерживает вторая.

А я совсем останавливаюсь, делая вид, что разминаю спину.

— Там карета, мертвые мужики и куча металлических чудовищ! — устрашающим голосом говорит первая. — А еще...

Она наклоняется и немного прикрывает рот. Черт! Я должна услышать...

— Там, говорят, был камзол самого Верховного Советника! — произносит женщина таким громким шепотом, что вообще непонятно, зачем прикрывалась. — В крови!

В крови? Я хмурюсь. Так вот что имела в виду Эйну... Ор Файр не просто какой-то маг... Он аж Верховный Советник. И вот что мне с этой информацией делать?

Я знаю! Стараться быть еще тише.

Но вот что смущает еще больше — на ор Файре точно крови не было. Значит, это моя? Но... Ран у меня никаких на теле нет, которые могли бы оставить заметный след...

Или это еще чья-то кровь? Хотя... Возможно, это все лишь сплетни и преувеличения.

— То есть ты хочешь сказать, что на самого ор Файра напали технари? — в ужасе охает вторая.

— Нет... Из города пришли слухи, что он второе зеркало заимел, — теперь уже действительно тише говорит женщина. — Только технари ее забрали. Ох... Что теперь с девкой будет в их лапищах?

— Да уж... Теперь ей не выжить, — качает головой вторая и наклоняется к ведрам. — Жалко девку. А Верховному Драконий бог третьего шанса уж не даст. И так счастливчик, что вторую даровали...

Они расходятся, а я тоже поднимаю свою ношу и иду дальше, прикидывая в голове.

Так. Значит, все же у ор Файра было зеркало. И по идее, второй шанс ему дали в виде исключения... Так какого черта он так пренебрежительно обращается со мной? В какую-то обитель, в ночь... Еще и этот пренебрежительный взгляд.

От воспоминания о нем становится как-то горько и грустно. И с чего мне вообще важно, что он обо мне думает?

Я подхожу к загону со свиньями и осматриваюсь в поисках хоть кого-то, кому тут можно сделать выгодное (для меня) предложение.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — кричу я, проходя ближе к самым свиарникам. — Э-эй!

Лучше б смотрела под ноги! Потому что нога подворачивается на какой-то из кочек, и я, картинно взмахнув рукой, падаю на заборчик загона. Он, в свою очередь, заваливается под под моим весом, а липкая, специфично пахнущая грязь стремительно приближается к моему лицу.

Глава 13

Я зажмуриваюсь, готовясь ощутить всю прелесть грязевых ванн, но чувствую, как меня резко перехватывают поперек талии чьи-то крепкие руки, а потом легонько поднимают вверх, словно я пушинка, и ставят на ноги.

— Не думаю, что это хороший способ познакомиться со свиньями, — раздается над ухом низкий приятный голос. — Проще сначала познакомиться со свинопасом.

Я разлепляю глаза, все еще удивляясь, что моего везения хватило, чтобы не ударить лицом в грязь перед этим... А кто он?

Высокий, широкоплечий смуглый мужчина лет тридцати пяти сейчас старательно пытается ослепить меня своей белоснежной улыбкой и все еще продолжает держать меня за талию. Отскакиваю от него, нечаянно ударив его ведром.

— Ой, простите, извините... — Я закатываю глаза и вздыхаю. — Спасибо и правда прошу прощения.

— Извинения приняты, — продолжает улыбаться мой спаситель. — Так что ты здесь делаешь?

Хмурюсь, ставлю ведро на землю и переплетаю руки на груди,

— Мы, кажется, не переходили на ты.

Его брови поднимаются, словно он удивляется моей реакции, словно я должна его знать. Хм... Ну не может же каждый житель города знать другого жителя? Ну и потом я же только пришла в город, могу же не знать?

— Тогда позволяю себе считать, что спасение дамы в беде позволяет мне обращаться с ней так, — пожимает плечами он. — Я Рой. А ты?

Окидываю еще раз взглядом Роя: простые штаны, льняная, чуть грубоватая рубашка, распахнутая до середины груди. Ему идет. Невольно сравниваю его с ор Файром, но еще до того, как делаю какое-то умозаключение, откидываю эту мысль, словно даже размышление о маге может намекнуть ему, где я.

— Аля. — Я протягиваю мужчине руку, чтобы пожать.

В его глазах снова мелькает удивление, он обхватывает мою ладонь сильными грубоватыми на ощупь пальцами и слегка сжимает.

— Что ж.. Аля, — усмехается Рой. — Чем тебя привлекла местная грязь?

Он свинопас? Оглядываюсь. Вокруг — никого. Значит, хотя бы у него что-то узнаю.

— Я хочу продать хлеб для свиней, — вкладывая в голос всю уверенность, что у меня есть, говорю я. — Только хлеб хороший! Даже не вздумайте меня обмануть и предложить мало!

Рой от души смеется, а потом заглядывает в мое ведро, втягивает носом воздух, и его глаза расширяются.

— Хлеб тетушки Эйну?

— Ом... Да. — Я пожимаю плечами.

— Как ты можешь? Ее хлеб — и свиньям?

Мне даже начинает казаться, что Рой злится.

— Спасибо добрым людям, теперь его никто не купит. А так хоть не выкидывать, что-то выручить за него. Завтра уже печь не из чего. — Я прикусываю язык, морщусь, но взгляд не отвожу.

Вот зачем сболтнула, что деньги срочно нужны? Теперь будет занижать, понимая, что мне деньги срочно нужны. Но мой спаситель меня удивляет.

— Рассказывай, — твердо произносит Рой, прищуриваясь. — Кто ты ей?

Это меня напрягает. Чего это он? Меня допрашивает, что ли? Что-то мне это не нравится.

— Да какая разница? Брать будете? Или я дальше иду искать? — Я убираю ведро за спину под его внимательным взглядом.

— Ну вот, уже вернулись к вы. И сколько же ты за это ведерко хочешь? — оgoroшивает меня вопросом Рой.

Ох-ох... Думала же, что надо разобраться в деньгах! Ну и, наверное, ожидала, что мне просто цену озвучат. А этот подозрительный Рой сам меня спрашивает.

— Десять! — выпаливаю я.

Господи! Десять чего? Вот он сейчас спросит, а я что отвечу? Я же даже не имею понятия, как местная валюта называется.

Рой изгибает бровь и лезет в карман. Оттуда достает десять серых монет и отсчитывает пальцами себе в ладонь, а потом протягивает мне. Я недоверчиво смотрю, забираю их в свой карман.

— А куда пересыпать? Ведро не оставляю, оно мне еще нужно.

— Еще и без ведра?

— Конечно! Как я потом без ведра? А у меня еще есть. Надо?

— Все надо, — уже без шутливой интонации говорит Рой. — Вон, высыпай туда и иди к Эйну. Чуть позже мой... приятель придет за остальным и заплатит еще.

Киваю, пересыпаю хлеб в кормушку и вытираю предплечьем вспотевший лоб. Когда я оборачиваюсь, Роя уже нет. Только б не обманул.

Возвращаюсь я в приподнятом настроении. Хоть сколько-то я выручила. Если будет еще немного, смогу Эйну хоть муки купить. А еще... Узнать бы как-то о местном налогообложении.

Задумываюсь и не замечаю, как меня сзади догоняет мужчина. Он грубо отпихивает меня в сторону, так что я отлетаю к стене дома и больно ударяюсь плечом, сдирая кожу и делая дырку на рукаве. Эх...

Следом за ним мимо проносятся стражники, нагоняют его, валят на землю и тут же заковывают в наручники.

— Именем короля ты обвиняешься в подельничестве технарям, и твою судьбу будет решать консульский суд, — произносит один из стражников, резко поднимает арестованного на ноги и куда-то тащит.

— Извините. — Второй оборачивается ко мне. — Совсем эти технари уже страх потеряли... Среди бела дня, зная, что ему грозит, занимался своими техническими штучками. Хорошего дня!

Он уходит, а я, отдышавшись и сделав себе еще одну пометку, что с технарями не стоит иметь дел, дохожу до лавки Эйну.

Старушка сидит за столом и утрамбовывает землю с цветком, который я занесла домой. Она посадила его в старую глиняную кружку с длинной извилистой трещиной по всему боку.

— Эйну! Я раздобыла немного денег! Скоро будут еще! — Я выгребаю монеты на стол, глядя, как мрачнеет лицо бабушки.

Она поднимает тяжелый взгляд на меня, достает из-под стола тот самый обломок лапы механического паука, который я забрала с собой после нападения, и кладет его передо мной.

— Уходи.

Глава 14

— Что? — последняя монетка падает на ребро, катится по столу и летит на пол.

— Я тебя предупреждала по поводу технарей, — жестко говорит Эйну. — Но ты же и до этого была с ними связана, да? Это все было притворством? Обманом меня вынудила защиту тебе поставить?

Во рту пересыхает, а я снова ощущаю горечь от несправедливого отношения ко мне. Я тут пытаюсь хоть что-то сделать, чтобы сохранить Эйну ее лавку, а она...

Ногти впиваются в ладонь, и я задерживаю дыхание, чтобы не выпалить первое, что приходит мне на ум. Первая реакция не всегда правильная. Проблемы у Эйну тоже отчасти из-за меня, но она меня не прогнала, помогла, что-то объяснила.

И сейчас выслушает, я уверена.

— Я ничего не знаю о технарях, — твердо отвечаю я. — Я до того момента, как ты мне рассказала, и о мире-то ничего не знала. Но я понятия не имею, как тебе это доказать.

— Это откуда? — Она кивает на обломок лапы.

— Из леса. Меня везли в какую-то Обитель Обреченных по приказу ора Файра, — сглотнув, рассказываю я. — Но на карету напали. Какие-то металлические пауки. Сопровождающие пытались отбиваться, но их было слишком много. Меня... не нашли. Но эту штуку взяла на всякий случай, чтобы защититься, если нужно.

Взгляд Эйну как будто немного оттаивает, но становится серьезнее.

— Убили предыдущее зеркало, решили повторить? — произносит она. — А ор о чем думал? Учитывая, что ты сейчас его слабое место. Ох-ох... Деньги-то ты откуда взяла, горемычная моя?

Пожимаю плечами и показываю пустое ведро.

— Хлеб на корм свиньям продала.

Старушка показывает крючковатым пальцем на монеты.

— Ты что, телегу хлеба продала? И ты считаешь, что я должна поверить, что... три, четыре... — Она пересчитывает монеты.

— Десять, — говорю я. — Их там десять.

— Десять гало за ведро испорченного хлеба? — дрожащим голосом спрашивает Эйну. — Что ты им еще пообещала?

— Обещали, что за оставшимся хлебом придут.

До меня начинает доходить, что что-то не так.

— Ох... Хлебну я еще с тобой проблем, Аля, — вздыхает Эйну. — Но ты ж как этот цветок. Раз уж спасла, разве могу теперь тебя бросить?

Она накидывает шаль, берет монету и выходит из домика. И вот как ее понять? То есть она мне поверила? Или нет? А мне что теперь делать?

Выхожу, чтобы занести лавку, которая сегодня точно не нужна будет. Народа как будто только прибавилось. У всех торговля кипит, в хлебной лавке чуть дальше от нас такой наплыв, что хозяйка не справляется. Зато у Эн Сайки тишина.

Она со злостью посматривает на домик Эйну.

— Что смотришь, убогая? — огрызается женщина. — Из-за этой халупы никакой торговли! Все стороной обходят! Когда ж я от этой проклятой ведьмы уже избавлюсь! Тьфу!

Она сплевывает, вытирает руки о фартук и заходит в дом.

Ничего не скажешь, приветливые соседи. Хотя, оглянувшись по сторонам, я понимаю, что эта степень приветливости характерна только для Сайки. Потому что сосед справа, продавец хозяйственной утвари, совершенно точно не жалуется на количество покупателей.

Тут из толпы выскакивает паренек лет восьми, дерганно оглядывается и хватает булку с лавки Эн Сайки, засовывает себе за пазуху и собирается сбежать с места преступления.

Я замираю на месте, не зная, как на это реагировать. С одной стороны, ребёнок голодный, с другой — воровство...

А ещё есть какая-то третья сторона. Глядя на этого мальчика, я будто вспоминаю о чём-то. По спине пробегает холодок, в груди появляется какой-то зудящий комочек.

Но, прежде чем я ловлю хвост мысли, что же это может быть, соседка слишком резко для своих габаритов выбегает из двери и цепляет паренька за рубаху, так что та издает мучительный треск.

— А ты, гаденыш! — вопит она.

Многие из толпы на нее оборачиваются.

— Да я ж тебя!

Сайки замахивается, чтобы вклепить пареньку затрещину, а я, сама не понимая как, оказываюсь рядом и перехватываю ее запястье.

Глава 15 (Ор Файр)

В дверь стучат, а потом на пороге появляется камердинер, Варн. Как всегда вылощенный, с зачесанной слева направо прядью, призванной прикрыть лысину. Лучше б совсем налысо побрился.

Он хмыкает в усы и старается не смотреть мне в глаза. Ругрово пламя. Явно плохие новости.

— Вы просили уточнить насчет послания от людей гера Эрвина, — произносит он. — Его так и не было.

Варн стоит, сцепив руки за спиной и явно ожидая моего гнева. Правильно. Что там делают с гонцами, приносящими плохие новости? Но камердинер слишком долго и исправно служит мне, чтобы из-за этого казнить.

Однако мое негодование, пробуждая силу, бурлит и требует дать ему выход. Только куда?

— Гера Эрвина ко мне, — распоряжаюсь я. — И сделай так, чтобы я тебя сегодня не видел.

Эрвин отвечал за организацию защиты и поездки зеркала, ему и должно влететь.

Варн исчезает мгновенно, беззвучно прикрыв за собой дверь. Перо, торчащее из чернильницы, вспыхивает и в секунду обращается в пепел. Идиот. Как можно было ошибиться в таком деле?

Перед глазами стоит несчастный вид зеркала. Эту тонкую дрожащую фигурку и огромные глаза цвета весеннего неба, от которых на душе становится тепло. Твою мать, я даже не узнал, как ее зовут.

Да, с одной стороны, зачем мне это нужно? А с другой, сейчас понимаю, что должен был. Хотя бы для того, чтобы... Чтобы что? Опять допустить непростительную ошибку?

Зеркала не принадлежат нашему миру, им безразличен баланс, выживание мира, а тем более нашей страны. Если дать им волю, они будут логично искать место выгоднее, поэтому легко ведутся на соблазнительные предложения технарей.

Вот и... Она повелась. Это был удар в спину. Как раз в тот момент, когда я был готов нарушить все мыслимые и немыслимые правила. И неудивительно, что с ней произошло это. Даже несмотря на мои старания.

Ручка кресла, на которой лежит моя рука, трескается и осыпается древесной трухой.

Но какого Ругра Эрвин не удосужился обеспечить новому зеркалу безопасность?! Да, она была слаба, но я точно чувствовал, как затягиваются ее раны. Я даже специально затормозил свою подпитку силой, чтобы она успела восстановиться.

Дверь открывается, и в кабинет входит смертник.

— Лар... — начинает он.

— Заткнись, — перебиваю его я. — Где она?

Вижу, что он ругается мысленно, но никак не могу понять. Мужчина знал заранее или это тоже стало для него неожиданностью?

— Карету нашли в лесу. Нападение технарей. Сопровождающие мертвы, — кратко отчитывается он.

— Зеркало? — спрашиваю я.

— Пришлой не было в карете. Но, судя по всему, технари ее тоже не забрали. Следы ведут к выходу из леса, у Маргорда теряются, — отвечает Эрвину

Но я прекрасно ощущаю запах его страха.

Правильно боится. Единственное, что пока что обеспечивает нахождение его головы на плечах, — это то, что я чувствую, что зеркало жива. Убежала и спряталась. Или украли и спрятали. Неважно. Жива.

— Как объяснишь?

— Технари как-то прознали о том, что зеркало будут перевозить по этому маршруту, организовали нападение.

А взгляд отводит. Либо врет, либо... врет.

Все равно уже нежилец, и мне плевать, что родной брат моей невесты.

При мысли о невесте дракон рычит. Не могу с ним не согласиться, но император требует наследника дара. Вот родит, и отошлю ее куда-то. В ту же Обитель Обреченных. Лично, чтобы без подобных эксцессов.

По коже пробегает холодок, в глазах на мгновение темнеет, и... Я перестаю ощущать зеркало. Углубляюсь в свои ощущения, пытаюсь нащупать хоть тончайшую связь с ней, и выдыхаю, только когда нахожу. Тонкий ручеек силы. На этом все. Что за...

Рядом с Эрвином оказываюсь за один удар сердца и впечатываю в стену.

— Слушай сюда. — Я сжимаю пальцы на его шее. — У тебя сутки на то, чтобы найти ее. Что будет в противном случае — ты знать вряд ли хочешь.

Заглядываю в его глаза и надавливаю ментально, ломая защиту и заставляя подчиняться. Эрвина как ветром сдувает в тот же момент, когда я отпускаю его. Дверь захлопывается.

Что же... время пошло.

Глава 16

Прихожу в себя только в тот момент, когда уже сжимаю пальцами запястье Эн Сайки. Она в шоке открывает рот и, по-моему, уже собирается изрыгнуть очередную порцию оскорблений.

— Что случилось? — Из толпы, уже глазеющей на нас, выходит Эйну. — Ты чего опять шумишь?

Старушка хмуро смотрит на соседку, потом переводит тяжелый взгляд на меня, а потом таким же одаривает паренька. С одной стороны, мне стыдно, потому что я опять вляпалась во что-то. А с другой — позволить бить ребенка? Да, он украл булку, но можно поймать, поругать... Не бить же!

От этой мысли перед глазами темнеет, дыхание перехватывает. Я как будто наяву вижу мальчишку, перед ним на полу разбитую чашку и мокрое коричневое пятно на белом ковролине, а потом по ушам бьет громкая пощечина. Грудь сжимает от несправедливости, ловлю ртом воздух.

— На тебе твои тридцать йели и отпусти уже мальчишку, — ворчит Эйну.

А я слышу, как со звоном монеты сыпаются на лавку.

— Убери от меня свою ненормальную, — хрипит соседка.

— Аля, — кратко зовет меня старушка.

Я только теперь понимаю, что до сих пор держу за руку Сайки, возможно слишком сильно сжимая пальцы.

С трудом расслабляю ладонь и делаю шаг назад, обеспокоенно глядя на парнишку. Эйну положила свою сморщенную натруженную руку ему на плечо, вроде бы защищая, а вроде бы не давая сбежать.

Я хочу взять его за руку, но под осуждающим взглядом Эйну захожу в дом, стараясь не поднимать глаз и не смотреть на всю толпу, которая все еще ждет развязки этого спектакля. Старушка входит следом за мной вместе с парнишкой и подталкивая его к столу.

— Положи ему картошки, — коротко говорит она, а потом после недолгого молчания ворчит: — Вот скажи, бедовая, тебя вообще можно хоть ненадолго оставить и не бояться, что ты попадешь в очередную передрыгу? Ор должен быть благодарен, что ты сбежала. Но ведь нет, искать же будет...

Я накладываю в деревянную миску картофель, достаю ложку и ставлю перед мальчишкой, который все это время, ерзая на лавке, не спускает с меня глаз.

— Сначала помой руки, — как-то обыденно произношу я.

— А... Зачем? — удивленно спрашивает паренек.

Меня вопрос заставляет задуматься. Как это зачем? А как же гигиена?

— Чтоб живот не болел. — Я пожимаю плечами.

— Идем. — Эйну отдергивает занавеску и зовет мальчишку в ту комнату, что служит ванной. — Хоть тут Аля дело говорит.

Становится обидно. Как будто я только глупости говорю и делаю. Хотя, должна признать, для стариков характерна легкая ворчливость. А после всего того, что Эйну для меня сделала, она ворчит скорее потому, что волнуется. Слишком много я привлекаю к себе внимания, в то время как мне бы сидеть мышкой и не шуршать.

Но не бросать же мальчишку!

Наконец, малец добирается до еды и уплетает ее с такой скоростью, что становится ясно: не баловала его жизнь.

— Я Аля.

Когда Эйну, качая головой, уходит к себе, сажусь напротив и придвигаю ему кружку с чаем.

— А тебя как зовут?

С удовольствием смотрю на активно работающего ложкой паренька, а у самой будто на языке крутится что-то. Какое-то имя на л...

— Лейт, — немного подумав, отвечает он.

— У твоей семьи нет денег на еду? — спрашиваю я.

— У меня нет семьи... Теперь... — не переставая жевать, говорит Лейт. — Была мама.

А потом пришли технари.

Хмурюсь, ловя себя на странном ощущении.

— А сейчас ты?..

— На молочника в конце улицы работаю. Только, наверное, скоро перестану. У него не хотят брать товар. Говорят, молоко скисает, — тяжело вздыхает он.

Хочу спросить его, что он собирается делать потом, но стук в дверь не дает. Ох, еще ни разу за то время, пока я тут, стук не предвещал ничего хорошего.

Я встаю и иду открывать дверь, но стоит это сделать, как сердце ухает в пятки. На пороге стоит стражник с грубым, будто вытесанным из камня лицом. По нему видно, что мы вряд ли договоримся.

Что он здесь делает? Уже пришёл за налогом? Время же ещё есть! Или он... по мою душу? Вычислили как-то, что та беглянка — это я?

Но жизнь, как водится, всегда может подкинуть вариант похуже. На меня вываливают новое обвинение:

— Арестуйте ее! Эта украла моего работника!

Глава 17

Украла? Да его не больше получаса не было! Полчаса, которые он ел, потому что, видимо, до этого голодал!

Я в шоке смотрю на указывающего на меня низкорослого лысеющего мужичка лет пятидесяти. Его коротенький пухленький пальчик с перстнем никак не намекает на тот факт, что ему «нечем платить» работнику.

— Прошу прощения. — Я поднимаю бровь и перевожу взгляд с этого «веселого молочника» на стражника. — А у вас разве рабовладельческий строй?

— Что? — вырывается удивленное у обоих мужчин.

— Говорю, мне вроде как сказали, что люди здесь — наемная сила, им деньги платят, а значит, они никому не принадлежат, и украсть их просто невозможно. — Я пожимаю плечами. — А когда работнику перестают платить, то он имеет право найти новую работу, так?

— Да кому нужен этот сопляк?! — вскрикивает мужик, а потом осекается, понимая, что сам только что подтвердил то, что красть мальчонку у меня смысла нет.

— Мне нужен, — твердо заявляю я, всем сердцем ощущая, что говорю правду.

— Она сама наемная! И у бабки денег не хватит даже этой белобрысой заплатить, что вы ее слушаете? — это уже вклинивается неумная Сайки.

— А это уже не тебе решать.

Появляется Эйну.

Из-за моей спины возникает взлохмаченная светлая голова Лейта. Он жметсмя ко мне, словно ища защиты, а я глажу его по плечу. Охранник смотрит на него, морщится, понимая, что тут ему ничего не светит, и бросает молочнику:

— За ложный вызов добавят к налогу. — Потом переводит взгляд на Эйну. — А тебе лучше бы к завтрашнему вечеру иметь достаточно денег, чтобы заплатить работникам.

Молочник собирается что-то возразить охраннику, но под тяжелым взглядом осекается. Зато это не мешает ему недобро посмотреть на нас.

— С вас еще отступные! — Его палец продолжает тыкать в меня.

Как раз к этому моменту к лавке подходит высокий жилистый мужчина с густой, но подстриженной черной бородой и в простой одежде.

— Я за хлебом, — гулким басом гремит он и достает небольшой кожаный мешок с плетеной тесьмой. — Положите все в тачку.

Эйну поджигает свои тонкие старческие губы, глядя на помощника свинопаса, но ничего не говорит. Только дожидается, когда я загружу оставшийся хлеб в тачку, а сам мужик, оставив нам взамен звенящий монетами мешочек, скроется за углом улицы.

Старушка даже не открывает его, а сразу кидает под ноги молочнику.

— Тут тебе и отступные, и покрытие вызова охранника, — произносит она. — Только чтобы твоего духа рядом с моей лавкой больше не было.

Молочник приоткрывает мешочек, присвистывает, но не отказывается, а сразу засовывает в карман и сквозь толпу уходит.

Я сегодня, можно сказать, клоун на арене цирка. Лишь едва мажу взглядом по толпе, понимая, как мне неприятно это внимание. А особенно внимание одного мужчины в плаще с капюшоном, накинутым поверх белой формы. Где-то я такую уже видела, и это заставляет мурашки пробежать по спине.

Но тихое спасибо от Лейта помогает откинуть все сомнения, правильно ли мы с Эйну сделали. А все остальные проблемы, я уверена, мы сможем решить.

— Скоро муку принесут, опара еще есть... — говорит Эйну, как только закрывается дверь. — Мы сможем приготовить хлеб, Аля. Но даже если мы его продадим, на налог нам не хватит.

В голове всплывают слова того сборщика налогов, что он на нас еще что-то повесит. Черт. То есть спасти нас может только чудо? И где его найти?

Еще полдня проходит в суете и подготовке к следующему дню. Я пытаюсь привыкнуть к местному укладу, но пока что выходит плохо. Особенно когда все мысли только о том, где взять денег!

— Внимание-внимание!

Слышится с улицы звонкий голос глашатого.

— Срочное объявление от консула! Скоро ожидается прием высокопоставленного гостя! У того, чей торт придется по душе консулу, будут заказаны торты и пирожные к ужину консула!

Он повторяет это несколько раз, пока проходит мимо. А у меня, кажется, рождается сложный, но хитрый план...

Глава 18

Меня будто переполняет воодушевление и какой-то азарт. Ведь у меня получится, правда? Должно получиться!

Первым делом иду к Эйну, потому что для реализации плана нужны деньги. А в финансовой системе я как была профаном, так и осталась им. А еще, честно говоря, дико интересуется, с какой стати старушка так легко отдала мешочек с монетами.

Прохожу за печь, стучу по деревянной стене и заглядываю в комнату.

Она небольшая, но уютная, со светлым окном и аккуратной скатертью на столе под большой книгой в кожаном вычурном переплете. Эйну сидит на стуле и вяжет. Почему-то это отдается в груди полузабытым теплом. Как будто я уже видела что-то подобное, и оно было связано с добрыми, радостными мгновениями моей жизни.

— Эйну, можно? — спрашиваю я, когда она поднимает взгляд.

Старушка указывает взглядом на кровать, и я присаживаюсь на самый краешек, но все равно сминая перину.

— Объясни мне, пожалуйста, как распределяются монеты в этом мире. Много ли мне заплатили за хлеб, что я отнесла в свинарник?

Эйну складывает вязание, втыкает спицы в клубок и убирает его в коробку, стоящую рядом с ее стулом.

— Ну что ж, раз ты взялась за это дело, давай объясню, — вздыхает она и достает из кармана красноватую монетку. — Это йели. Самая мелкая монета. Сто йели — это гало. Это те монеты, что ты принесла. Десять гало — это дунно. Но эту монету, золотую, я держала лишь пару раз в своей жизни.

И вот в этот момент у меня начинают закрадываться подозрения. Ведро испорченного хлеба... за золотую монету? Во что я умудрилась по незнанию вляпаться?!

— Одна булка хлеба из белой муки стоит тридцать йели, — добывает мои подозрения Эйну. — Вот и считай, сколько тебе заплатили. Много или мало?

Да я уже и так поняла. Поэтому даже думать не хочу и понимаю, почему старушка тогда на меня так смотрела и даже хотела выгнать. Но если это так много...

— А налог, Эйну, нам на налог хватит? — Я с надеждой вглядываюсь в ее лицо.

— Налог берется не за сутки же, — качает головой она. — Его сейчас насчитают за месяц. Плюс деньги, которые я должна отдать тебе. А теперь еще и мальцу. И наверняка он штрафы какие-то повесит. Знаю я этих прохиндеев...

Да уж. Эйну явно хорошо знакома с этим миром. Мне бы, наивной, даже в голову штрафы не пришли.

— То есть не хватит? — уточняю я. — Тогда почему ты отдала не глядя весь мешочек? Может быть, с ним хватило бы?

— Шальные деньги, а они — не спорь! — именно такие, добра не приносят. Есть у меня догадки, чьи они...

— И что, мне теперь сидеть сложа руки? Ждать, когда они придут и уведут меня к солдатам? — возмущенно вспыхиваю я.

В глазах Эйну мелькает хитринка, а потом она просто пожимает плечом и вновь тянется к вязанию.

— Решать тебе. А я чем смогу — помогу.

Что ж! Значит, буду действовать так, как подсказывает интуиция.

Выхожу в переднюю, где за столом, крутя в руках что-то, отдаленно напоминающее кубик Рубика, сидит Лейт.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я и усаживаюсь рядом с ним. — Ты же тут давно? Много слышал, много знаешь, да?

Мальчонка кивает и откладывает кубик.

— Скажи мне, а проблема со скисающим молоком только у твоего хозяина лавки была?

— Нет. Как жара началась, почти у всех. Только у кого-то погреб хороший, а у кого-то...

— Есть кто-то честный, но у кого проблемы?

— Да! Дед Фридо на той стороне улицы. — Мальчишка расплывается в улыбке. — Он мне всегда молока дает.

— Ну и славно! Веди меня к нему!

— Только он чужих не любит, — надувает губы Лейт.

— Просто другие не могут предложить ему то, что могу я.

А уж я постараюсь заключить сделку века.

Глава 19

Мальчонка хмуро смотрит на меня, явно не понимая, что такого у меня особенного есть, чего нет у других. А я могу сказать только одно — это знания. Удивительным образом в голове всплывают какие-то вещи, которые были для меня раньше как будто обыденными. Но, если я пытаюсь напрячься и заставить себя вспоминать, что же было со мной до попадания сюда, — в голову словно гвозди забивать начинают.

Сгребаю все оставшиеся монеты в карман.

— Ну идем. — Лейт берет мою ладонь своей, маленькой, но уже в мозолях от физического труда.

Мы выходим из лавки и идем по улице мимо сворачивающихся торговцев. Одна сторона залита розоватым светом закатного солнца, а на другой уже начинают сгущаться вечерние сумерки. Интересно видеть, как мир передо мной будто поделен на две половины. Тень и свет. А между ними — тонкая полоска переплетения.

Эта мысль будит во мне какие-то странные, словно забытые ассоциации, но я не успеваю их осознать, потому что мне на глаза попадает предмет, непременно необходимый для решения моей задачи, — термометр!

Надо же, этот мир, оказывается, не настолько запущен и дремуч, как я думала до этого. Хотя... После тех механических пауков и самоходной кареты я должна была догадаться, что все не так просто с преследованием технарей.

— Постой Лейт, — прошу я и подхожу к торговцу бытовой мелочевкой. — Сколько стоит вот это чудо техники?

Торговец округляет глаза, промакивает тряпкой мгновенно вспотевшую лысину и боязливо оглядывается.

— Драконий бог убереги! — громко шепчет он. — Какая техника? Тут чистая магия!

Хочется закатить глаза, потому что, судя по внешнему виду, это обычный спиртовой термометр. Но спорить не собираюсь и согласно киваю.

— Один гало, — отойдя от шока, отвечает торговец. — Отдам за девяносто йели, если прямо сейчас возьмешь.

Я протягиваю ему серебряную монетку, в глазах его вспыхивает алчность, и я могу поспорить: он уже жалеет, что предложил скидку. Но за язык его никто не тянул, поэтому мужчина дает сдачу мелкими монетами и протягивает термометр.

Что ж... Мы на один шаг ближе.

Лавка деда Фридо оказывается достаточно большой, видимо, переживающей не лучшие времена, и этим очень напоминает хлебную лавку Эйну. Но дед явно свое дело знает, потому что на полках витрины стоит и сметана, и творог, и простокваша. А вот молока-то и нет.

Как только звонит входной колокольчик, из глубины лавки раздается низкий, раздраженный голос:

— На сегодня все закрыто! А молоко у других ищите!

— Дед Фридо, это я! — кричит Лейт. — И я не за молоком!

Из проема в перегородке комнаты появляется огромный мужчина. Своим видом он мне тут же напоминает медведя, которого разбудили раньше положенного срока.

— А Лейт! — В рыке тут же появляются теплые нотки, но взгляд, направленный на меня, все же остается колючим и недоверчивым. — Кого привел?

— Это Аля! Она меня у Горуна выкупила! — восторженно лопочет мальчуган. — И от Сайки спасла. И вообще у Эйну работает! А еще она говорит, что знает, что с молоком делать, чтобы оно не скисало так быстро и так невкусно.

— Вот прям таки знает? — Подозрение во взгляде сквозит и в голосе, и во всех движениях, но при упоминании Эйну напряжение, кажется, немного спадает.

— У меня к вам есть предложение.

Внутри все трепещет от волнения, но я стараюсь не подать вида.

— Я покупаю у вас сметану, масло и сливки и рассказываю секрет, как сохранить молоко дольше. А вы помогаете мне достать яйца и сахар.

— А что сама не достанешь?

— Им мне предложить нечего. А вам — очень даже. Представьте, если у вас единственного на всей улице будет молоко, которое при должном хранении не будет скисать, скажем... неделю.

Я рассуждаю и вижу, как у него загораются глаза, потом к ним возвращается подозрительный прищур.

— Технарка? — хмуро спрашивает он.

Технически, наверное, да. Не помню. Но не буду же я ему об этом рассказывать?

— Что вы... Нам поможет вот этот магический артефакт. — Я достаю термометр. — Если вы согласитесь — подарю вам.

Чувствую, как Фридо расслабляется, а потом протягивает руку.

— По рукам!

Но как только я тяну свою, он сжимает пальцы вокруг моей ладони, резко дергает на себя и рычит в лицо:

— Но помни: никто не решается обманывать Фридо.

Глава 20

Я тоже усиливаю рукопожатие, поднимаю бровь и с непонятно откуда взявшейся дерзостью отвечаю:

— Не пугает.

Это заявление удивляет Фридо.

— Уже столько раз за последние сутки пугалась, что пугалка атрофировалась.

Молочник ухмыляется:

— Ну что ж, Аля, выкладывай, что тебе надо.

Я перечисляю все необходимые мне ингредиенты, а потом достаю из кармана монеты, пересчитывая их на раскрытой ладони. Фридо снова обхватывает мои пальцы и сгибает их в кулак.

— А теперь давай то, что нужно мне. — Он указывает глазами на термометр, лежащий на столе.

Ну что ж, я начинаю перечислять и загибать пальцы.

— Тогда придется найти чистые бутылки для молока, кастрюлю и ушат с такой холодной водой, как получится, — говорю я. — И спирт.

Брови Фридо взмывают вверх. Ну да, странно, конечно, в молочной лавке требовать спирт. Но если уж вдаваться в науку, то по полной!

— Да-да, спирт, — с улыбкой подтверждаю я. — Без него может не получиться.

Следующую пару-тройку часов я посвящаю этого старого хмурого медведя в тонкости уничтожения бактерий в молоке. Сначала выясняю, что эти чудачки молоко даже не всегда процеживают, потом, что бутылки едва ли отмывают (ну а что, логично же: было молоко, и налили его же).

Поэтому мы постигаем дзен, стерилизуя бутылки кипячением, попутно выдерживая термометр в спирту (это «расточительство» вызывает неудовольствие молочка). Заодно подбираем и тоже стерилизуем крышки для бутылок.

Ну а после, подходя к самому интересному, я показываю Фридо, что водяную баню можно использовать для решения проблемы с хранением молока. Проще говоря, в этом мире я становлюсь Пастером и открываю метод пастеризации.

Фридо завороченно смотрит на столбик термометра, когда тот поднимается вверх, и, постоянно помешивая, исправно следит, чтобы температура молока не поднималась выше шестидесяти пяти градусов.

Лейт, сначала не проявлявший ни капли интереса, постепенно включается в процесс и тоже вносит свою лепту: то поддерживая огонь, то принося прихватки.

На последнем этапе мы разливаем молоко по чистым бутылкам и опускаем их в холодную воду.

— Вот если будете хранить бутылки в прохладном месте — только обязательно с крышкой! — и соблюдать чистоту, как мы с вами сегодня, то около недели молоко выстоит.

Я устало встаю с лавки и собираю корзинку со всем, что я просила. Впереди еще очень долгая ночь, и никаких гарантий, что у меня получится все с первого раза. Но отступать уже некуда.

— Если все выйдет, — говорит мне на прощание Фридо, — то все, что тебе в моей лавке нужно, я буду отдавать тебе бесплатно.

Я киваю на прощание, беру Лейта за руку, и мы выходим в прохладную темную ночь. В редких домах горят огни, фонарей тут еще не придумали, а на небе только россыпи звезд и клонящийся к горизонту тонкий месяц растущей луны. Мне остается надеяться только на мальчугана, который хорошо знает улицы.

Пару раз мне кажется, что из-за поворота появляется темная фигура, поэтому я чувствую, как сердце пускается вскачь. Но либо это ночной прохожий, быстро свернувший в другой переулок, либо правда показалось, потому что мы, больше никого не встретив, возвращаемся домой.

Ловлю себя на мысли, что я тут меньше суток, а считаю лавку Эйну своим домом. Так уютно здесь. Как будто этот мир на самом деле очень и очень мне знаком.

К моменту возвращения я уже практически ваюсь с ног... Но заставляю себя сделать основу для сливочного сыра из сметаны. Поскольку Эйну к этому времени уже спит, все: и сито, и ткань, и миски — приходится искать самой вместе с Лейтом. Но мы справляемся. Мальчуган даже находит погреб, куда мы и ставим сметану дозревать.

Присаживаюсь на лавку буквально пару секунд передохнуть, но отключаюсь из-за дикой усталости прямо так, сидя.

— Ор Файр. — Я склоняю голову перед тем, кому я принадлежу.

Но хуже, что ему принадлежит мое сердце. Точнее, то, что от него осталось.

— Ты никогда не выйдешь за стены этой крепости, — мрачно начинает Темный. — Тебе запрещено говорить, кто ты. Тебе запрещено показываться на людях без капюшона. Ты обязана появляться в храме каждый рассвет и каждый закат.

Он садится в свою повозку и выезжает из главных ворот, а я остаюсь одна на улице. И именно в этот момент меня почти сбивает с ног мальчуган лет восьми. А рефлексивно трогаю карман... Он украл мой кошелек!

Глава 21 (Ор Файр)

— Милый... Ты снова не спишь ночью?

Слегка растягивая гласные в словах, как и все уроженки южных провинций, в мой кабинет входит Рейра.

— Ты еще не до конца восстановил свой магический потенциал. А лекарь сказал, что нужно больше отдыхать... Чем вообще занято твое зеркало? Может, тебе подкинули пустышку?

Вместе с моей невестой в кабинет вплывает насыщенный запах сладкого миндаля. Как будто она облилась им с ног до головы. Всегда ненавидел эту ее привычку. С самой первой встречи, когда ей было всего пятнадцать и нас представили друг другу.

Впрочем, ее не смущала разница в возрасте — восемь лет. Да и выглядела она даже тогда уже не на пятнадцать. Никакой наивности во взгляде, только точный расчет, что и в каком количестве может от меня получить.

Мне тогда было тоже абсолютно все равно. Я был амбициозным выпускником Высшей Инквизиторской Академии и был уверен, что я-то точно разберусь с технарями, стоит мне только обзавестись собственным зеркалом.

Кто же знал, что с того самого момента моя жизнь перевернется с ног на голову? Карьера действительно пошла стремительно вверх. А я... напроочь забыл о Рейре. Потому что у меня появилась *Она*. С чистым открытым взглядом, искрящимся, как лед на солнце. С ароматом нежной розы, покрытой утренней росой.

Она стала для меня той, с которой я мог разделить и проблемы, и успехи, несмотря на то что *Она* была из другого мира.

До сих пор не понимаю, как я мог так ошибаться. И как могла *Она* пойти на сговор с технарями. Но *Она* же и поплатилась за это.

Собственно, сейчас я сидел и просматривал отчеты о том, с кем *Она* могла быть в сговоре и кто ее...

— Папана днях вестника присылал, уточнял, когда же будет назначена дата свадьбы. — Рейра подходит к столу и, как она считает, грациозно присаживается на краешек, кладя руку поверх моих документов. — Лар...

Медленно поднимаю голову, стараясь не выдать того, насколько это все злит моего дракона. Обхватываю запястье, увешенное браслетами, и убираю ее руку с бумаг.

— Я тебе неоднократно говорил не называть меня так, — четко произношу я.

В глазах Рейры мелькает досада, но она ее быстро прячет. И чуть разворачивает корпус так, чтобы лямка ночного платья сползла с ее плеча, а разрез гарантированно обнажил колено.

Фарфоровая кожа, идеальная форма груди и острые вершинки, не скрываемые тонкой тканью. Она знает, что делает, особенно когда как бы невзначай проводит рукой по линии декольте и одновременно облизывает красные губы.

Прохожусь взглядом по ее фигуре, отмечая, что давно не был с женщиной. По закону Рейра должна оставаться невинной, и я соблюдал это правило. Мелькает мысль, что это же не касается всего ее тела...

Но тут внезапно перед глазами встает испуганный взгляд новой пришлой. Тонкие пальцы, сжимающие плечи, аккуратные черты лица, заметные даже под тем слоем копоти, что был на ней. Ссадины на острых коленках.

— Я уже год живу с тобой в одном доме, как это предписывает закон!

Видя, что я не реагирую так, как она себе придумала, Рейра слезает со стола и поправляет платье.

— Ты убедился во всем, в чем был должен! Уже пора объявить о назначенной дате!

Похоже, она долго терпела, перед тем как высказать это все мне. Неважно. Сейчас это совсем неважно.

Я должен вернуть зеркало и в этот раз спрятать надежнее. Не в Обители, туда — я теперь точно знаю — технари имеют доступ. Нет... Я должен найти место лучше. Она слишком беззащитна. Она — мое уязвимое место.

— Ларстор! — Рейра упрямо топает ножкой.

И это оказывается последней каплей.

— Мы уже говорили на эту тему, леди Эрвин. — Я намеренно перехожу на официальный тон. — Если геру Эрвину-старшему столь важен этот вопрос, передайте ему, что я готов обсудить все в личной переписке, но никак не через его дочь.

На лице Рейры растерянность: она явно иначе представляла то, что будет происходить в кабинете.

С чего бы? Что должно было поменяться? М?

— Но... — Невеста хлопает ресницами, округляет ротик и молчит.

А жаль. Мне кажется, что можно было бы уже и поговорить начистоту.

— Идите в свою комнату, леди Эрвин, — внешне сохраняя ледяное спокойствие, говорю я. — Уже поздно. Если мне что-то от вас понадобится, будьте уверены, я приду к вам в комнату лично.

Последние слова, кажется, приободряют Рейру, она даже пытается соблазнительно улыбнуться и закусить губу, а потом уходит, покачивая бедрами.

В дверях она сталкивается с вероятным смертником, если он не принес мне хороших новостей. Гер Эрвин задерживает взгляд на Рейре, прищуривается и поджимает губы. Не одобряет вызывающего поведения своей сестрички?

Это вызывает у меня ухмылку.

— Гер Эрвин? — зову его я, заставляя оторваться наконец от созерцания Рейры. — Ты заставляешь себя долго ждать.

Он бросает напоследок раздраженный взгляд Рейре вслед, а потом закрывает за собой дверь.

— Ты нашел ее? — спрашиваю я.

Собственно, делаю я это больше для проформы. Потому что кое-какая информация у меня уже была и без Валсига. Он последнее время на удивление бестолковый.

— Да, Лар, — отвечает он, потом осекается. — Да, ор Файр. Я и мои люди побывали в Маргорде. К воротам действительно приходили нищенки, которых сегодня не должны были пускать. Но, кажется, нас сам Драконий бог за нос водит, потому что все три проникли на территорию города и затерялись.

— И ты считаешь, что это хорошие новости? Что ты справился с заданием?

Я поднимаюсь из-за стола и подхожу к бару, чтобы налить крепкий напиток с северных фьордов.

— Мы всех нашли. Но... — Валсиг ведет плечом и морщится. — Мы не смогли ни в одной из них узнать пришлюю. Ее никто не рассматривал.

«К вашему же счастью», — хочется добавить мне.

Потому что внутри четкое осознание, что я не хочу, чтобы на мое зеркало кто-то пялился. Пришлая — моя. Даже в саже и со сбитыми коленками. Моя. Дракон одобрительно рычит, словно речь идет о Ней.

Что, так быстро поменял фаворитку?

— Так в чем проблема? — Я качаю бокал и смотрю, как жидкость смачивает стенки. — Просто доставьте всех сюда. Я определяю, кто есть кто.

Валсиг молчит. Поднимаю на него тяжелый взгляд.

— Маргорд не подчиняется короне, Ларстор, — произносит он аккуратно, наблюдая за моей реакцией. — Консул отказал в запросе выдать девушек, потому что все они нашли себе работу. А по законам города они имеют право на консульскую защиту.

Ругрово пламя — это самое приличное, что сейчас вертится на языке.

— Что ж, Вал, — с ухмылкой выдаю я и залпом осушаю бокал. — Значит, ты мне завтра лично покажешь всех этих девушек. Распорядись на рассвете заложить экипаж.

Глава 22

— Аля, Аля!

Меня тормозят за плечо, а я с трудом разлепляю глаза.

— Рассвет уже. Эйну сказала, что пора и тестом заняться. К тому же сегодня у нас солдатский день. Они скоро за хлебом придут!

Я даже не сразу возвращаюсь в реальность. Перед глазами удаляющаяся светловолосая макушка мальчонки, и тут он... Нет, погодите...

Я зажмуриваюсь и трясу головой, а потом снова открываю глаза. Тут не он, а Лейт, конечно же. Поэтому пытаюсь скинуть это наваждение, но все равно на душе остается странное скребущее чувство.

Эти сны... Я каждый раз пытаюсь их хорошо запомнить, но каждый раз лица и конкретика как-то ускользают. Но остается ощущение, что это очень важно. Что стоит об этом подумать.

Только вот времени думать совсем нет.

Поднимаюсь с лавки и понимаю, что так и спала сидя. Теперь это отзывается болью в шее и пояснице, общей слабостью.

— Проснулась, полуношница? — Эйну кидает на меня через плечо взгляд. — Сходи за водой да там и умоешься. А то не хватает для теста немного.

Я беру два пустых ведра, на автомате иду к двери, а потом понимаю, что понятия не имею, откуда они тут воду берут.

— Проводи-ка, Лейт, да пошустрее! — подгоняет Эйну.

Мы с мальчуганом выходим в промозглые утренние сумерки.

Кроме нашей, только еще у пары лавок начинается какое-то движение. Проходим мимо сборища котов, которых вышла покормить сгорбленная старушка из лавки с овощами. Потом пересекаем уже известную мне площадь и только после этого, миновав широкий, но короткий переулок оказываемся у колодца.

Не у того, которым пользуется стража, а более скромного, сложенного из грубого камня. Тут уже очередь из нескольких человек, поэтому мы послушно встаем за последним и принимаемся ждать.

— А зачем нам все то, что ты взяла в лавке Фридо? Этого же не нужно для хлеба, — наконец задает явно волнующий его вопрос Лейт.

— Нет. Но у меня есть другая очень интересная идея, — заговорщицки улыбаюсь я. — И если она выгорит, то нам не придется ни о чем переживать.

Кажется, Лейта эта новость воодушевляет, и он, как и многие дети, от избытка эмоций начинает скакать и болтать о том, что тогда можно будет отремонтировать лавку тетки Эйну. Потому что он слышал, как рассказывали о том, что ее лавка была самая известная в их квартале, что у нее самые богатые гости города закупались, а хлеб отвозили аж в консульскую башню — к самому консулу!

Надо же... Вот что имел в виду тот свинопас, которого я вчера встретила. Эйну была известна... В чем же причина ее положения сейчас?

Неважно! У меня есть шанс и желание не только вернуть ее лавке былую славу, но и превратить в уникальное место! Осталось только, чтобы этот странный Дракониий бог отсыпал нам чуть-чуть удачи.

Подходит наша очередь, мы наполняем ведра и идем обратно. И тут меня осеняет!

— Блин! Я про орехи совсем забыла! — восклицаю я, привлекая внимание Лейта.

— Блин? — переспрашивает он и хмурится. — Ты знаешь, что это?

Ой, бли-и-ин... Мне же Эйну намекала, что никто не должен знать о моем происхождении. Пока я подбираю слова, чтобы как-то оправдаться, Лейт задумчиво смотрит в небо, шмыгает носом и выдает:

— У меня мама так говорила. А теперь она на небе. — Он молчит немного, а потом как будто специально переводит тему: — А тебе какие орехи надо? Я знаю, где достать.

Я ему пытаюсь объяснить, отчаянно надеясь, что в этом мире есть что-то похожее. Ведь, в общем-то, по моим наблюдениям флора и фауна тут не сильно отличаются. Лейт кивает и убегает, будто хочет сейчас побыть один. Впрочем, немудрено: потеря мамы всегда глубоко ранит.

Возвращаюсь в лавку, когда первые лучи солнца уже растекаются по крышам домов. У лавки Эн Сайки замечаю фигуру в темном плаще с капюшоном. Отвлекаюсь буквально на мгновение, когда дверь лавки, мимо которой я прохожу, с грохотом распаивается, а когда поворачиваюсь обратно, там уже никого нет.

Холодок пробегает по спине, но по возвращении Эйну не дает мне сконцентрироваться на этой мысли и тут же берет меня в оборот, приобщая к выпеканию хлеба. Мне интересно настолько, что я совершенно не замечаю, как проходит время, и вот уже готовые воздушные и до урчания в животе ароматные булки уже на столе.

Охранники действительно приходят почти сразу, после того как мы вытаскиваем хлеб из печи. Эйну отправляет меня, чтобы я лишний раз не попадалась на глаза страже, но я нахожу чем заняться.

Мне нужна сахарная пудра, которую на блюдечке с голубой каемочкой мне тут никто не даст. Так что я беру сахар, его накануне мне достал молочник, ступку с пестиком и иду заниматься самым что ни на есть ручным трудом.

Когда стража уходит, мы открываем лавку, а у меня начинается кутерьма. В первую очередь я спускаюсь в погреб проверить сыр и, праздную свою первую маленькую победу, обнаружив мягкую сливочную субстанцию и как бонус сыворотку. Похоже, можно будет порадовать Лейта блинами.

Потом замешиваю тесто для печенья и ставлю в печь. Стараюсь не тратить времени впустую, поэтому сразу же приступаю к соленой карамели. Честно говоря, сейчас бы мне пригодилось хоть немного магии: чтобы хотя бы помешивать можно было.

Хм... Привнести в этот мир идею о миксере?

Подумаю об этом позже. После того как выиграю это маленькое соревнование.

Эйну несколько раз проходит мимо, глядя на то, как я мечусь по кухне, но ничего не говорит. Ей некогда: торговля, на удивление, сегодня идет неплохо.

Когда я заканчиваю с карамелью и уже смешиваю сливочный сыр с сахарной пудрой, думая, как бы мне найти выход при отсутствии орехов, на пороге лавки появляется раскрасневшийся Лейт.

— Я все принес! — Он вываливает на стол горку миндальных орехов и светится от довольства.

Меня, конечно, подмывает спросить, где он их взял, но я почти уверена, что мне не понравится ответ, поэтому просто усаживаю его перетирать добычу, отмечая, что банальная кофемолка тут была бы хороша.

К концу дня у нас уже есть достаточно крупная сумма, поднос с маленькими пирожными с франджипаном, сливочным кремом и соленой карамелью и надежда, что все получится. Честно говоря, я понятия не имею, откуда я знаю, как это готовить. Но практически полностью уверена, что подобного тут не делал еще никто.

Мы выносим поднос с пятью пирожными на улицу, заявляя тем самым, что собираемся тоже участвовать в отборе. Я скрещиваю пальцы в надежде, что консул появится раньше, чем сборщики налогов, но проблемы возникают оттуда, откуда не ждали.

— Мы нашли! Это здесь! — произносит стражник и направляется к нашей лавке.

Глава 23 (Ор Файр)

Я мог бы добраться до Маргорда на крыльях, и это не заняло бы слишком много времени и сил. Но Ругров город находится вне юрисдикции короны даже несмотря на то, что расположен на территории Эормирии, поэтому я не имею права просто влететь к ним без предупреждения.

И у меня два варианта: либо официально приехать, как начальнику тайной полиции, и почти не иметь ограничений в поиске девушки, либо прибыть гостем и не иметь права на что-то, выходящее за рамки обычного пребывания в городе. Меня устраивает, естественно, только первый вариант. Поэтому гонец отправляется к консулу еще ночью, а мы выезжаем на рассвете.

С Рейрой не прощаюсь: истерики мне ни к чему. Прошу передать через слуг, что я уехал по работе, когда вернусь — неизвестно. Без конкретики. Хотя больше чем уверен, ей братец все расскажет в записке. И да... Записку мои люди тоже прочтут. Еще до Рейры.

Приходится трястись на маг-повозке, как обычному человеку. Это раздражает. Особенно когда рядом тот, к кому ты уже утратил доверие. Валсиг каждым своим поступком и решением закапывает себя все глубже, мне даже интересно, какая самая большая дерзость, на которую он решится.

Дракон злится, что ему не позволяют распахнуть крылья, чтобы быстрее оказаться рядом с зеркалом. А память, к моему неудовольствию, подкидывает какие-то мелкие детали: пара серьезных ожогов на лице, страх в насыщенно-голубых глазах, шрам, пересекающий бровь.

И когда только успел рассмотреть? Старался не смотреть даже ведь. Незачем. Не зря испокон веков отношения между Темным и его зеркалом — табу. Нет. Больше я подобной ошибки не совершу.

На место мы прибываем уже после обеда, поэтому через ворота поток больше на выход, чем на вход. Но при виде герба Эормирии, солнца и полумесяца, на повозке толпа сама расступается, чтобы пропустить нас.

Стражники проверяют документы у возницы, отдают честь, и мы оказываемся на главной улице Маргорда, ведущей непосредственно к башне консула. Официальный визит требует официальной встречи, которая приходится непосредственно на обед.

В городе, как обычно, многолюдно: торговля спорится, и это естественно, потому что именно в Маргорде живут уникальные ремесленники, артефакторы, травницы и кулины. Попасть сюда мечтает почти каждый в стране, так как город кажется чуть ли не сказкой.

Но я-то знаю, что сказок не существует. Здесь так же, как и везде, жадные сборщики, инспектора, способные найти мельчайшее нарушение и ободрать из-за него до нитки, охранники, промышленные вымогатели в обмен на защиту. А еще именно тут, по донесениям моих людей, находится ядро технарей. Неофициальное, конечно.

И это еще одна причина, по которой меня беспокоит, что зеркало здесь. Она беззащитна, наверняка растеряна и испугана. И, Ругр подери, даже при такой близости к пришлой, я ее не чувствую. Это точно магия, но какая? Кто может обладать такой силой, чтобы скрыть девушку?

Когда мы въезжаем на консульский двор, чуть ли не под колеса маг-повозки кидается светловолосый мальчишка. Следом за ним бежит охранник, но паренек так лихо уворачивается, а потом исчезает в толпе, что преследовать его кажется абсолютно бессмысленным. Надо бы найти его и взять под крыло полиции. Тем более что он мне уже кажется знакомым: я его точно где-то видел.

— Добро пожаловать в Маргорд, ор Файр. — Консул встречает нас в большом холле, лишенном всяческого притязания на богатое убранство. — Гер Эрвин.

Я сдержанно киваю, а Валсиг в характерной ему подхалимской манере кланяется.

— Прошу присоединиться к моему скромному обеду, — предлагает консул. — Стол только накрыли, я распоряжусь поставить приборы еще на двоих.

— Благодарю, ор Гирмур, — сдержанно отвечаю я, проходя следом в большую столовую, настолько же просто обставленную.

Стол хоть и покрыт белоснежной льняной скатертью, но даже под ней заметно, что он достаточно грубо сколочен, а уж про деревянные стулья лишь с тонкими подушками и говорить нечего. Самым главным и, пожалуй, единственным украшением здесь являются свешенные с балок под потолком знамена всех полков Эормирии.

Отец ора Гирмура был одним из самых прославленных полководцев страны, прежде чем стал консулом тут. И даже оказавшись на столь высокой должности, он в башне придерживался военной строгости и лаконичности. После его трагической гибели должны были пройти выборы нового консула, но народ оказался един во мнении, что наследник рода Гирмура и должен им стать.

— Поделитесь причинами столь неотложного визита, да еще и с официальным запросом на высшем уровне? — Дариан приступает к еде, но не откладывает разговор в долгий ящик.

Впрочем, мне это только на руку.

— Мы ищем одну персону, — говорю я, неотрывно глядя в глаза хозяина города. — И мне нужен карт-бланш на ее поиски.

— Так все дело в женщине? — ухмыляется консул. — Не думал, что какая-то отчаянная особа решит сбежать от вас. Какие конкретно разрешения нужны от меня?

— Скорее, приказ явиться по моему требованию в гостевую башню ко мне. — Я не реагирую на попытки задеть меня. — И допуск к допросу.

Дариан кивает слуге, стоящему за правым плечом, и тот покидает столовую, чтобы через минут пять вернуться уже с нужными бумагами.

Консул заверяет их своей подписью и, сложив желтоватые листки вчетверо, передает мне. После этого я быстро сворачиваю прием пищи и покидаю столовую.

Гостевая башня. Зал для приемов. Три девушки. Все трое в простых платьях, платках на головах и растерянностью на лицах. И все трое точно не те. Дракон рычит так, что я чуть не глухну. Ему нужна пришлая. Моей силе нужна пришлая. Но, Ругр всех подери, где она?!

— Гер Эрвин, — рычу я.

А девушки вздрагивают так, что, кажется, вот-вот рухнут в обморок.

Валсиг дергается, но потом подбирается и шагает вперед.

— Слушаю, ор Файр. — Он не дышит, но пытается принять уверенный вид.

— Из тебя отвратительная ищейка, — констатирую я факт. — Привести мне охранников, дежуривших у ворот в тот Ругров день. Из-под земли вырыть и привести.

Валсиг срывается с места и исчезает мгновенно. Девушкам киваю, отпуская их, и они сбегает еще быстрее.

Рвущуюся наружу магию направляю в камин, меньше чем за полминуты выжигая все дрова, которые были там сложены.

Около получаса изучаю отчеты охраны, по которым далеко не все сходится. Значит, я точно прав.

И только после этого строевым шагом, точнее его жалким подобием, в зал входит невысокий охранник с красноватым носом и осоловелыми глазами. Еще и после пьянки? Дариан распустил стражей. Так и независимости лишиться просто.

— Ор Файр! — Охранник бьет себя кулаком в грудь и, наверное, думает, что это выходит пафосно и четко. А на самом деле вызывает лишь презрительную усмешку. — Вы хотели...

— Вы знаете, какое наказание за укрывание лазутчиков? — холодно спрашиваю я.

Глаза стражника округляются. Он, кажется, даже мгновенно трезвеет, выходя из образа.

— Но я не...

— Кто она? Где вы ее прячете?

Чем более абстрактные вопросы, тем страшнее для него они звучат.

— Нищенка! Страшная такая! Вся в саже и крови! — лопочет еле понятно стражник.
— Мы хотели ее, а она...

Да все понятно, что хотели. Пытались поймать, но пришлая тоже смогла их обвести вокруг пальца. Или ей помогли.

— Где она?

— Мы ее не нашли, ор Файр... — Солдат дрожит как осиновый лист и уже готов в ноги мне кинуться.

Если консул узнает, что они скрыли проникнувшую в город девушку, его ждет серьезное публичное наказание. Впрочем, наказанию я готов и сам его подвергнуть. Но его спасает гер Эрвин.

— Я нашел, где она может быть. — Валсиг входит в зал.

— Веди.

Глава 24

Стража, целенаправленно идущая к нам, очень сильно напрягает. Смотрю на крыши домов: на самых коньках все еще догорают лучи солнца. Значит, для сборщика налогов, который обещал прийти на закате, еще рано. Тогда какого лешего от нас хотят?

— Вот он! Точно он! Я его видела! — верещит дородная женщина, тыча пальцем в Лейта.

Мысленно ругаюсь, потому что если до этого я только догадывалась, то теперь точно понимаю, что орехи он достал не самым честным образом. Оглядываюсь на мальчугана, у которого в глазах мелькает страх, он весь подбирается и срывается с места.

Но поздно. Убежать у него не выходит, ему отсекают пути отхода и ловят буквально за шиворот.

— Ах ты, негодник! — причитает женщина. — Как только у тебя рука-то поднялась?!

Вопреки моим ожиданиям, Лейт даже не пытается отнекиваться, он перестает дергаться, гордо поднимает голову и молчит.

— Малец, ты хоть знаешь, что будет за воровство с консульского хранилища? — гремит один из стражников. — Тебе спину свою не жалко?

На удивление в голосе стражника звучит сочувствие, а не жажда расправы, как было до этого с другими.

— Погодите, — вмешиваюсь я. — Быть может, за это можно заплатить какой-то штраф? Или отработать? Первая провинность же...

Я улыбаюсь в надежде, что сочувствия в охраннике окажется достаточно, для того чтобы если не совсем простить Лейта, то хотя бы не требовать жестокого наказания.

— Чтобы потом другие тоже думали, что это сойдет им с рук? — вступается другой охранник, хмурый, с глубокой морщиной между бровями. — Ну уж нет...

— Можно! — влезает женщина. — Два гало, и я забуду об этом!

Стражники обалдело смотрят на нее, а она начинает активно подмигивать. Очень... интересная система, да. Но, в общем-то, это лучше, чем наказание для Лейта.

Возвращаюсь в лавку, беру из банки, в которую мы сегодня складывали деньги, две серебряные монеты и выхожу, передавая их «пострадавшей».

— О! Тут раздают долги?

Я слышу насмешливый голос того самого мерзавца, который обещал тогда в подворотне, что он точно позаботится о том, чтобы мы не смогли выплатить налог.

— Это я вовремя!

За ним мельтешат два ухмыляющихся охранника. И вот они-то мне совсем не нравятся. Из лавки выходит Эйну, вцепившаяся в шаль своими корявыми пальцами.

— Ты никогда не бываешь вовремя, — бросает она сборщику налогов и презрительно смотрит на него. — Шакалье...

— Попридержи язык, старуха! Пока я не наложил на тебя еще штраф за оскорбление официального лица! — зло отвечает ей мужик. — С тебя дунно налогов, полдунно за работницу, два гало за несовершеннолетнего работника, и я должен видеть, как ты при мне выплачиваешь работникам зарплату!

Я мысленно подсчитываю в голове, что это семнадцать гало. И это еще он не огласил штраф за то, что я работаю без разрешения, который, по его словам, должен нас добить. Считаю и понимаю, что нам хватает впритык и то только потому, что сегодня день по продажам хлеба был очень неплохой, и остались вчерашние деньги от продажи хлеба. Оставшегося хватит на крохотную зарплату, которую еще как-то можно, по словам Эйну, скостить.

Но вот штраф...

Эйну приносит банку и дожидается, когда сборщик раскроет свою сумку.

Их противостояние снаружи кажется неравным, но когда присматриваешься, то понимаешь, что противники стоят друг друга и я охотно верю, что, когда Эйну была моложе, она могла с легкостью заткнуть за пояс хоть с десяток таких сборщиков.

Эйну вслух считает монеты. Вокруг скапливается все больше и больше народа, несмотря на то что я слышу, что на другой стороне улицы уже начался отбор лакомств для консула.

Мы привлекаем слишком много внимания. И это точно не нравится тем, до кого должна дойти очередь в конкурсе.

— Ну что, старуха, налог оплатила, — немного морщась, выплевывает сборщик налогов и кивает в нашу с Лейтом, которого уже выпустили из своих рук стражники, сторону. — Плати им теперь.

Эйну достает из банки по десять йели и протягивает нам. Там, на самом дне, остаются две красноватые монетки. Я закусываю губу и забираю свою зарплату, уже предвкушая, как обрадуется сборщик. И помощи я уже не жду. Черт.

— Не особо ты ценишь своих работников, однако, — усмехается сборщик, жадно скалясь и предвкушая победу.

За его спиной стражники уже тоже, похоже, предвкушают, судя по тем липким взглядам, которые они на меня бросают. Мерзавцы.

— Расплатилась — вали отсюда! — огрызается Эйну, хотя я вижу, что она тоже понимает, что еще не все кончено.

— Ну нет, старуха, — качает головой сборщик. — Показывай на нее разрешение. Или штраф плати.

Наступает молчание. Народ буквально впивается взглядом в нас, ожидая, чем же закончится все это представление. Хочется очень неприлично выругаться, потому что сил больше нет, выхода я не вижу, а то, что мне предстоит, радужным уж точно не назовешь.

— Что-то мне кажется, тут самый интересный претендент конкурса, да?

Я слышу знакомый голос, а толпа расступается, пропуская к нам того, кого я тут точно не ожидаю увидеть.

Глава 25

Поднимаю голову, и рот сам раскрывается от удивления. Нет. Так не бывает. Ну не должно, по идее же. Или я должна честно расписаться в том, что я идиотка.

Передо мной стоит «свинопас», которого я встретила накануне. Только сейчас одетый в белую шелковую рубашку и строгий камзол, расшитый золотом, без задорного вихра, упавшего на лоб, но все с той же идеальной улыбкой.

— Судя по скоплению народа, тут должно быть что-то действительно умопомрачительное, — произносит он и окидывает взглядом всех действующих лиц: Эйну, меня, прячущегося Лейта, а потом и сборщика налогов со стражниками.

Следом за «свинопасом» подтягиваются чопорно вышагивающие мужчины — один забавнее другого. Первый — высокий, худой, с острой бородкой и вытянутой остроконечной шляпой, из-под которой топорщатся седые кудряшки. Второй, наоборот, низкий, пухлый, похожий чем-то на арбуз, особенно в его костюме в вертикальную полосочку. А третий... Третий самый интересный экземпляр: на тоненьких ножках, обтянутых штанами, с кругленьким животиком и большими усами. При таких говорят «беременный таракан».

Я едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. В общем-то, наверное, нервным смехом, потому что если я правильно понимаю, то «свинопас» — никакой не свинопас. Он консул! И я вчера... продала ведро испорченного хлеба консулу за баснословные деньги.

Черт.

— Ваша милость, — тонюсеньким голоском зовет Роя «таракашек», — но мы еще не закончили с предыдущим претендентом... Да и следующая в нашем особом списке госпожа... Эн Сайки.

— Так и есть ваша милостью. — Соседка появляется с подносом, на котором выложен открытый пирог с вишней, искусно украшенный кружевной картиной из теста. — Попробуйте.

Я рассматриваю выпечку и не сразу понимаю, что меня смущает, ведь на самом деле внешне все очень красиво. А потом доходит: нет аромата. Так хочется ощутить запах свежей выпечки со сладкой начинкой, а получается... Оно словно искусственное, ничем не пахнет.

Консул едва заметно морщится, а потом кивает своей свите. Они тут же подходят к Сайки и со всех сторон начинают изучать выпечку, Рой снова переключает свое внимание на нас.

Толпа, которой сейчас дают и хлеба (все, что консул уже попробовал, раздается людям), и зрелищ, хищно ждет продолжения представления.

— Ваша милость. — Сборщик налогов кланяется, принимая самый честный вид. — Работаем по выявлению незарегистрированных наемников и сокрытых доходов.

Консул с ухмылкой смотрит на сборщика налогов, потом на вытянувшихся в струнку стражников, а после на свою свиту, которой быстро наскучило творение соседки и которая с интересом поглядывает на мои пирожные.

Первый порыв — перегородить им дорогу, чтобы случайно не повредили, но я заставляю себя остаться на месте. Они же должны оценить внешний вид: я специально измудрялась с рисунком из карамели.

Оставив пирожные на изучение подчиненным, Рой продолжает разговор со сборщиком налогов.

— Ну, я смотрю, нашли, господин Дорк? — поднимает бровь консул.

— Что? — напрягается сборщик налогов.

— Сокрытые налоги, конечно, — саркастически ухмыляется Рой, если это, конечно, его имя. — Казна города будет вам невероятно благодарна за столь объемный вклад в нее. Подскажите сколько?

Я замечаю, как стражники морщатся, один вроде как даже ругается беззвучно.

— Да, конечно, — выдавливает из себя Дорк и нехотя начинает развязывать сумку.

— Семнадцать гало, ваша милость, — вклиниваюсь я. — Как я понимаю, месячный налог с лавки за продажу хлеба, а также за нас с Лейтом.

Губы консула искривляются в усмешке. Он наклоняет голову набок, всматривается в лицо сборщика и щелкает пальцами. По дну сумки словно проходит тонкое лезвие, которое вспарывает ткань, и все монеты высыпаются на землю.

— Густав, собери, — приказывает Рой.

И тот, который «беременный таракашка», тут же кидается собирать деньги с пола.

— Так я, по крайней мере, буду уверен, что все они доберутся до сокровищницы, а потом пойдут на благоустройство города. Вы ведь для этого старались, Дорк?

Сборщик налогов краснеет, потом бледнеет, и я даже думаю, не было ли в его роду хамелеонов. Но потом сжимает зубы и сухо произносит:

— Конечно же, вы правы, ваша милость. — Он переводит тяжелый мстительный взгляд на нас с Лейтом. — И да, эта женщина тут работает без разрешения.

Лейт крепче сжимает мою талию, будто меня вот-вот должны у него забрать, а он не собирается отпускать меня. Эйну неприлично ругается, и я ловлю себя на мысли, что это не местное словечко. Но я его знаю... Может ли быть?...

Откидываю временно эту мысль, потому что сейчас важнее понять, как объяснить Рою, что я просто не знала, что нужно получать разрешение. Хотя, как говорится, незнание не освобождает от ответственности.

Консул делает два шага назад, отодвигает оставшихся двух мужичков от моих пирожных, которых, как я вижу, уже стало на два меньше, и берет с лавки еще одно. Я замираю. Кажется, что сейчас до мурашек, до боли в груди важный момент, от которого зависит, что меня ждет дальше.

— Вы ошибаетесь, господин Дорк, — произносит Рой и откусывает пирожное. — Этой девушке я сам лично вчера выписал разрешение на работу. И у нее будет завтра шанс лично забрать документ из моей башни.

Тут лицо сборщика налогов окончательно перекашивает, потому что он понимает, что останется сегодня и без денег, и без меня как средства дополнительной наживы. Мне кажется, что он вот-вот набросится на меня, несмотря на огромное количество народа, но тут мое внимание привлекает человек в белом камзоле, стоящий на другой стороне улицы, у лавки Эн Сайки, и пристально разглядывающий меня.

Я его точно помню! Это же тот самый, который сажал меня в карету! Сердце тут же уходит в пятки. Сборщик налогов становится совсем неинтересен. Я пячусь к лавке, прикидывая, смогу ли сбежать.

Внезапно толпа приходит в движение, по ней пробегают шепотки, все происходит в пару мгновений.

— Технари в городе! — раздается крик в начале улицы. — Несколько технарей сбежали из тюрьмы!

Глава 26. (Ор Файр)

Все планы по поиску зеркала идут коту под хвост, когда из темницы сбегает технари. Была бы моя воля, я бы охрану темницы всю под трибунал отдал. Но консул ожидает какого-то важного гостя, поэтому распорядился без лишнего шума замять дело, нерадивых стражников быстро разжаловал и вытурил из города вместе с семьями. Удобно.

Что ж, мы с ними еще поговорим. Их всех еще подороге в ближайшую деревню забрали мои люди, чтобы я потом смог разобраться: преднамеренно это было сделано или они действительно просто разгильдяйски отнеслись к делу.

Технарей, естественно, поймали. Чтобы это произошло быстрее, мне лично пришлось принять в этом участие, ну и Валсига тоже привлечь к этому, а заодно понаблюдать.

Мне очень не понравилось, что в какой-то момент он куда-то пропал. Конечно, он сказал, что напал на след, но тот вывел его в тупик. Еще бы я ему поверил.

Разговор с технарями вышел тяжелый и долгий. Они о нападении на мое зеркало ничего не знали, что, впрочем, было ожидаемо. Вряд ли нападавшие пошли бы в ближайший город сами искать девушку.

Зато эти ребята знали о ближайшем лагере, где базируются последователи технологий. Я видел, что они знали, я применил сильнейшее плетение правды. Но... Тут я столкнулся с еще одной загадкой.

Технари имели блок от определенных видов магии. Каждый от своей. И блок этот явно был врожденным, как будто когда-то обладали созвучной силой. Но я совершенно точно чувствовал, что все эти ребята пусты.

С таким я столкнулся первый раз за долгое время охоты за технарями. Есть ли среди них тоже иерархия? Может ли быть такое, что до этого мне попадались «рядовые», а в этот раз пленниками оказались более «значимые» представители.

Именно эта загадка стала причиной, по которой я обошелся с ними мягче, чем планировал. Они выжили. Более того, после того как я найду зеркало, я собираюсь забрать их с собой в столичное подземелье. «Повысить» их место содержания и поискать более действенные и при этом продлевающие жизнь способы достать из них информацию.

— Ор Файр.

В гостиную, где я с самого утра сидел у камина и прикидывал варианты решения этой загадки, входит слуга консула и низко кланяется.

— Ор Гирмур ожидает вас.

Морщусь, крутя в руке бокал и разглядывая танец языков пламени. Сдалось Дариану мое присутствие. Впрочем, надо посмотреть, что там за гость такой, в честь которого этот потомственный солдафон решил даже устроить что-то, похожее на праздничный прием.

— Передай, что я буду через полчаса. — Я жестом отпускаю слугу и отставляю бокал.

Дракон раздражен. Потому что он рассчитывал совсем на иное: его бесит, что зеркало до сих пор не рядом. Ничего, потерпит. Если она тут, в городе, как утверждает Валсиг, то вряд ли отсюда побежит. Некуда. Я везде найду. А не я, так дракон.

Хотя тот факт, что я ощущаю только то, что она жива, но совсем не чувствую, где она, раздражает. И озадачивает: ей кто-то помог спрятаться. Кто-то, кто хорошо знаком с магической привязкой и разными обрядами, связанными с ней. Знаком даже лучше, чем я, поэтому мне еще предстоит изучить эту магию и найти противодействие.

Мы с Валсигом заходим в красную гостиную консульской башни с небольшим опозданием. Не то что я люблю заставлять ждать, но этикет вынуждает человека с моим статусом задерживаться минимум на сорок минут. Обойдутся, десяти будет достаточно.

— Ор Файр. — Консул встает с глубокого кресла, обитого кроваво-красным бархатом, приветствует вежливым кивком и подает руку. — Рад, что вы почтили меня своим присутствием.

— Благодарю за приглашение. — Я пожимаю его руку, а у самого от этих расшаркиваний зубы сводит.

Дариан также здоровается с Валсигом, а потом представляет своего гостя.

— Прошу познакомиться. — Гость тоже встает с кресла и протягивает руку в кожаной перчатке. — Мастер Норр, специалист по зеркалам.

Пожимаю руку, а сам внутренне напрягаюсь. Не нравится мне этот Норр. А при мысли о том, что сейчас мое зеркало где-то недалеко, дракон готов этого Норра тут же прихлопнуть хвостом. Тихо. Мы о нем пока ничего не знаем. Конечно, я доверяю интуиции, кричащей, что он враг. Но врагов же нужно держать ближе к себе, верно?

— Рад встречи, ор Файр, — хрипло говорит он, но на каменном вытянутом лице, обрамленном седыми прядями, не мелькает ни единой эмоции. — Вы в своем роде мне тоже интересны. Уникальный случай со вторым зеркалом.

Провоцирует? Как топорно.

— Драконий бог милостив ко мне, — отвечаю я таким же бесстрастным тоном, как его лицо.

— Прошу, господи.

Мы рассаживаемся по креслам вокруг кофейного столика, и консул дает слугам знак накрывать на стол.

— Я хоть и отказываюсь от призыва зеркала, но эта тема очень интересует меня своей загадочностью. Ведь согласитесь, это так странно, что Драконий бог дает нам, Темным магам, возможность обрести дракона и сохранить магию за счет иномирянки.

Дракона беспокоит этот разговор. Ему очень не нравится, когда вмешиваются в столь сокровенные тайны Темных. А еще меня посещает едва уловимое ощущение потока магии. Осматриваюсь. Большая полукруглая гостиная с двумя каминами, сейчас спящими, тремя высокими окнами с бархатными шторами, потолок с росписью. Уголок вычурности и богатства в этой аскетичной башне.

Больше в комнате никого, даже слуг. Откуда это ощущение?

— Напрасно вы, ор Гирмур, отказываетесь от зеркала, — хрипит Мастер. — Это ограничивает ваши магические возможности и, опять же, не дает пробудиться дракону.

— Я считаю, что держать фактически в рабских отношениях женщину — это низко, — пожимает плечами консул. — Только представьте, вот так всю жизнь прожить без возможности любить и родить ребенка. Это же для женщины хуже смерти. Не так ли, ор Файр?

Он бросает на меня чересчур выразительный взгляд. Нет, он не может знать о моих отношениях с *Ней*. И о моих планах. И о том, что...

— Зеркало, ор Гирмур, — это дар Драконьего бога, — отвечаю я. — Если он распорядился так жизнью женщины, значит это самое правильное для нее.

Не верю. Я, Ругр его побери, сам в это не верю. Но так говорит закон, а я самый главный представитель этого самого закона.

Консул собирается что-то возразить, но тут двери гостиной распахиваются, и на стол перед нами выставляют несколько подносов с тарелками. А на тарелках небольшие тортики, буквально на пару укусов.

Следом подают чай, а Дариан приглашает попробовать лакомство. Валсиг с радостью берет один тортик и откусывает, с откровенным наслаждением прикрывая глаза.

— Ни с чем несравнимо, правда? — Консул удовлетворенно откидывается в кресле и выжидательно смотрит на меня.

С детства сладкое ненавижу. Дракон со мной солидарен целиком и полностью, так что меня совершенно не соблазняет угощение.

— Напрасно вы, ор Файр, не хотите дать шанс этому лакомству, — шутит консул. — Новая работница в одной из лавок нашего города — ну просто волшебница. Не знал бы, что у женщин не бывает силы, — подумал бы, что она магичит.

Новая работница? Дракон заинтересованно замирает. Кидаю взгляд на двери, через которые внесли еду. Но они закрыты.

— Кстати говоря, — также между делом замечает консул скорее риторически, не ожидая ответа. — Почему зеркалам никогда не разрешают использовать ту остаточную магию, что в них есть от Темных, на какие-то полезные дела?

— Потому что женщины слишком глупы, чтобы ее использовать правильно? — усмехается Мастер.

В его словах столько пренебрежения, что даже на его лице появляется кислая мина.

— Именно поэтому на них и лежит столько запретов, — продолжает он. — Они никогда не смогут осознать важности возложенной на них миссии. И в истории есть этому подтверждение. Взять хоть зеркало короля Хельдера, предка Его Величества.

История известная, но больше похожая на легенду. Согласно рукописям, именно она легла в основу запрета на отношения для зеркал.

Король был влюблен в свою иномирянку. Женился на ней, а когда она родила ему ребенка, портал открылся, и она вернулась. Так король остался без королевы и без зеркала, и это чуть не повергло страну в смуту, потому что многие захотели свергнуть правителя, когда он оказался слаб магически.

— Я почти всю жизнь потратил на поиски описания подобных случаев, имевших гораздо менее критические последствия, — скрипуче рассказывает Мастер. — И смог выявить одну закономерность.

Двери гостиной снова открываются, а подносы перед нами меняют на другие. По телу снова пробегает приятный теплый поток силы. Теперь гораздо сильнее, но все еще приглушенный. Как будто на речке запруду поставили.

— Скорее всего, Драконий бог дал пришлым возможность вернуться с одним интересным условием: они должны родить ребенка и оставить его тут, — заканчивает свою мысль Норр. — А запрет на отношения — как раз защитная мера, чтобы они не сбегали.

Драконье ухо улавливает тихий «ох» со стороны дверей. Резко перевожу туда взгляд и вижу, как за спинами слуг скрывается светловолосая макушка. Теперь точно нашел!

Глава 27

Побег технарей отвлекает того в белой форме, вызывает суету и беспорядки в квартале. Все поспешно собирают товары, прячутся в лавки, а я... пытаюсь отдышаться от испуга, когда Эйну буквально затаскивает меня в дом.

— Ну и чего ты устроила тут? — хмурится старушка. — Зачем ты это все? Ох...

Ее упрек кажется сильно несправедливым, но зато отвлекает от мыслей о том, что меня могли найти.

— Но я же спасла лавку, Эйну, — удивленно произношу я. — Разве это плохо?

— Спасла, — кивает она. — Да только чем это все теперь обернется-то? Догадывалась же я, откуда те деньги. Ну что теперь... Только последствия расхлебывать!

Он устало машет рукой, а я все больше ничего не понимаю.

— Но...

— Прибирайся, — Эйну хмуро на меня смотрит. — К вечеру гостей ждать будем. А ты, малец, тебе что, жизнь не дорога? Куда тебя понесло за этими орехами треклятыми?

Лейт, который вроде бы только повеселел после всего произошедшего, тут же сник.

— Я хотел Але приятно сделать, — Он дует губы. — Она же мне помогла.

— И как, сделал? Думаешь, ей было бы радостно, если бы тебя плетями на площади до смерти заporоли за кражу? — Эйну не на шутку разошлась.

Я прижимаю к себе Лейта и глажу его по голове. Наверное, не педагогично... Но он правда хотел как лучше и, искренне говоря, меня сильно выручил.

— Эйну, все обошлось, — тихо произношу я. — Лавка цела, мы никому ничего не должны. Просто потихоньку все подлатаем, что-то придумаем с хлебом, может просто внесем разнообразие в выпечку. Я обязательно что-то придумаю...

— Какая же ты еще глупая, — роняет Эйну и уходит в свою каморку, оставляя меня без ответов.

Мы с Лейтом переглядываемся, понимая, что мы сделали что-то не то, но что — нам никто не собирается объяснять.

— Давай и правда приберемся, — говорю я и протягиваю ему одну из посуды, которые мы так и не успели отмыть.

Заканчиваю я уборку уже одна и ближе к полуночи, при тусклом свете лучины и тихом треске сверчка. Эйну после всего так и не вышла из комнаты, а я не пошла к ней, давая возможность отдохнуть и эмоционально переварить произошедшее. Я уверена, что она не хотела меня обидеть и потом обязательно все расскажет и объяснит. Но пока что ее лучше не трогать.

Вымотанный Лейт заснул прямо на скамейке, поэтому я отнесла его в ванную, где он спал накануне. О приличных спальнях местах тоже надо будет подумать. Эйну мы теснить, конечно, не будем, но обустроиться как-то нужно. Иначе моя спина долго не протянет.

Черпаю воды и подхожу к цветку, который я столкнула на макушку сборщику налогов.

— Ну что, дружок, будем обживаться? Но, когда хочется выжить, ведь готов приложить все силы, правда? — Я выливаю черпачок под корень и бросаю взгляд на темное окно, в котором под бликами свечи отражается мое уставшее лицо.

Я справлюсь. Даже если меня найдет этот маг, я справлюсь. Почему-то при мысли о встрече с ним, по коже пробегают мурашки, но я не могу понять: от радости или ужаса. Это так работает привязка зеркала к магу? Где бы найти побольше информации об этих сложных отношениях?

Вдруг за окном мелькает фонарь, а потом раздается стук в дверь. В голове мгновенно проносятся сразу самые плохие предположения. Меня нашли? Меня сейчас взвалют на плечо, как мешок с картошкой, и увезут?

Стук повторяется. И я решаюсь: открываю дверь и немного замираю. На пороге стоит... сам консул.

— Доброй ночи, — улыбается он. — Извини, дела были, не мог раньше заглянуть. Впустишь?

— Смотря, с чем вы пришли, ваша светлость, — отвечаю я, не спеша пропускать его.

— Как сразу официально, — хмыкает мужчина. — Но мне нравится, что дерзость никуда не делась.

Я молчу и жду, это вызывает у него улыбку.

— Хорошо. Тогда... — кивает консул и делает шаг назад. — Уважаемая ора...

— Альвия, — говорю я то имя, которым назвалась при обряде.

— Уважаемая ора Альвия. По праву консула я официально разрешаю вам наемную работу в Маргорде, а также делаю заказ на вот эти ваши замечательные маленькие торты, которыми вы сегодня угощали меня. Срок — завтра после обеда.

Все это было сделано с серьезным чопорным лицом, но смешинкой в глазах, заметной даже в слабом свете фонаря.

— Я не успею, — отрезаю я. — У меня нет ни ингредиентов, ни времени, чтобы это повторить.

— Еще до рассвета у тебя будет все, что тебе нужно. А если не хватает рук, то и дополнительная рабочая сила. — Консул наклоняет голову набок и ждет, чем я теперь отговорюсь.

Что-то внутри меня подсказывает: о есть тут что-то, чего мне стоит опасаться.

— Благодарю за помощь со сборщиком налогов...

— Не стоит, — качает головой он. — Этот парень давно нарывался. Альвия, ты не поняла. Не принимаю отказа. Но плачу щедро.

Прикрываю на мгновение глаза, делаю глубокий вдох. Меня ждет еще одна сложная, почти бессонная ночь.

— Хорошо, — сдаюсь я и перечисляю то, что мне нужно, и сроки.

— Вот и славно. — Консул улыбается уголком рта, собирается уйти, но в последний момент, словно что-то вспомнив, оборачивается. — И да, жду тебя саму. Я же должен передать тебе разрешение?

И да. Это тоже не приглашение и не вопрос.

За ночь я не то что не прилегла, я не присела. Через полчаса после визита консула мне принесли все, что я запросила, и даже больше. Кроме тех пирожных, которые приготовила сегодня, я решила сделать еще два варианта, чтобы не было однообразно. И это заставило меня окончательно выбиться из сил.

Эйну утром продолжила неодобрительно смотреть на меня, но не пустила помогать ей с хлебом, отправила на свою кровать на пару часов, которые я могла отдохнуть.

Вместе с продуктами Рой, или как там на самом деле зовут консула, прислал мне красивое платье, которое, как я поняла, предполагалось надеть для посещения консульской башни. Я не хотела его даже примерять, но Эйну сказала, что с властью не шутят и ей не перечат, поэтому я сдалась.

К назначенному времени, я вместе со слугами стояла за высокими распашными дверями гостиной, где, как мне сказали, и принимал гостя консул. Мне передали, что меня просили зайти после второй смены блюд, поэтому я стояла там рядом, у окна с широким подоконником и витражным узором в виде цветка с короной.

Вся башня кажется мне странной: вроде бы это что-то вроде дворца главного человека в городе, но при этом тут все так строго и аскетично, словно это военное здание. Максимум

украшений, которые я видела, — вот эти самые витражи и гобелены со сценами сражений или какими-то гербами.

А эти двери... Высокие, резные, покрытые белой краской и поталью. Когда они первый раз открывались, я заметила, что внутри тоже все очень богато и помпезно. И вот теперь я должна туда войти, я действительно рада, что не отказалась от платья, которое мне послал консул.

Мне даже неловко ловить на себе взгляды молодых стражников в башне. Интересно, теперь маг так же отреагировал бы на мой внешний вид? Так же пренебрежительно смотрел бы?

Как раз в этот момент слуги открывают двери для второй смены угощений, я отлепляюсь от окна, чтобы зайти внутрь, и поправляю платье. Из гостиной доносится хриплый высокомерный голос:

— Скорее всего, Драконий бог дал пришлым возможность вернуться с одним интересным условием: они должны родить ребенка и оставить его тут. А запрет на отношения — как раз защитная мера, чтобы они не сбегали.

Из груди вырывается испуганный «ох», и я тут же закрываю рот рукой. Потому что, когда поднимаю взгляд, вижу... ЕГО!

Темный, тот самый ор Файр, сидит на кресле. И удивительно, как одна уверенная поза сразу красноречиво говорит о том, что среди всех присутствующих в гостиной именно он имеет самый высокий статус. Темные волосы, внимательный, убивающий взгляд и сильные ладони, напряженно сжимающие ручки кресла.

Тело реагирует быстрее, чем голова. Я тут же делаю шаг назад, прячась за одним из слуг, а потом пускаюсь бегом. Прочь!

Увидел ли? Узнал ли? Может ли мне повезти так, что он не успел меня заметить?

Я не помню, как я оказываюсь в лавке Эйну. Она видит мое испуганное лицо.

— Рой что-то тебе сделал? — напряженно спрашивает она.

— Нет, — сдавленным шепотом отвечаю я. — Он тут. Он...

— Ох, Аля... — только и выдыхает старушка. — Чуяло мое сердце...

Дверь распаивается без стука, а на пороге возникает Темный.

— Побегала? — насмешливо спрашивает он. — Собирайся, ты идешь со мной.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.